О

ЗНАЧЕНІИ ЗАКОНОВЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ

МАГИСТРА ПРАВЪ

Кандидатомъ

Михаиломъ Соловьевымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1840.

Печатать позволяется, по опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Ст. Петербургскаго Университета. Ст. Петербургъ, 1840 года, Сентября 1-го дня.

Проректоръ и Деканъ *Игнатій Ивановскій.*

Въ типографіи Х. Гинце.

О

ЗНАЧЕНІИ ЗАКОНОВЪ.

Въ каждомъ обществѣ мы находимъ правила, сообразно съ которыми должны совершаться дѣйствія людей, его составляющихъ: эти правила называются законами. При изслѣдованіи значенія законовъ, первый вопросъ, который останавливаетъ наше вниманіе, обращается на то: законы составляютъ ли необходимую принадлежность жизни человѣческихъ обществъ? или они суть явленія временныя, опредѣляемыя извѣстною степенью образованности? — Рѣшеніе этого вопроса приведетъ насъ къ объясненію характера общественной жизни, которая является не въ слѣдствіе добровольнаго согласія людей, а въ слѣдствіе необходимости нравственной, соединенной съ понятіемъ о цѣли жизни человѣческой. Такимъ образомъ самою

сущностью предмета опредѣляется та точка, съ которой должно начинаться мое разсужденіе. Объяснивъ цѣль человѣческой жизни, я долженъ перейти къ показанію отношенія, существующаго между ею и обществомъ; объясненіе значенія общественной жизни, взятой въ отношеніи природы человѣка, покажетъ намъ необходимость существованія законовъ.

Понятіе о цѣли человѣческой жизни.

Присматриваясь къ жизни природы и къ ея проявленіямъ, къ дѣйствіямъ и взаимнодѣйствіямъ вещей, насъ окружающихъ; замѣчая отношенія различныхъ положеній, принимаемыхъ одною и тою же вещію, мы доходимъ до понятія развитія.

Понятіе развитія двоится, смотря по тому — будемъ ли мы разсматривать его въ отношеніи жизни природы вообще, или въ отношеніи жизни одного какого нибудь предмета. Жизнь каждаго предмета является въ двухъ періодахъ; эти періоды суть: періодъ развитія и періодъ разрушенія.

Послѣдній, постепенно уничтожая жизнь отдѣльныхъ предметовъ, не встрѣчается въ общей жизни природы: разрушеніе одного предмета даетъ жизнь другому, или другимъ. Такимъ образомъ, въ природѣ жизнь и смерть — понятія совершенно тождественныя. Между тѣмъ, какъ отдѣльные предметы, послѣ періода развитія, подвергаются разрушенію,

жизнь природы постепенно слѣдуетъ закону развитія; другими словами: жизнь есть развитіе.

Въ чемъ же состоитъ цѣль жизни? Не имѣя возможности проникнуть въ сокровенныя тайны природы, не прочитавъ книги жизни, мы можемъ объяснять цѣль жизни такимъ образомъ, какъ она представляется намъ въ историческомъ проявленіи. Умъ говоритъ намъ, что жизнь не можетъ быть безъ цѣли; исторія показываетъ, что съ понятіемъ жизни всегда соединяется понятіе развитія. И такъ, цѣль жизни есть развитіе.

Понятіе развитія равно относится и къ силамъ физическимъ и къ силамъ духовнымъ. Для настоящаго разсужденія, я долженъ обратить вниманіе только на развитіе силъ духовныхъ, какъ онѣ являются въ человѣкѣ. Духовная наша дѣятельность обнаруживается въ разумѣ и волѣ, которая есть практическая сторона разума. Воля сама въ себѣ свободна. Свобода воли состоитъ въ томъ, что дѣйствія ея постоянно проникнуты разумомъ; свобода и разумъ составляютъ два понятія, взаимно себя опредѣляющія: то, что свободно, то и разумно; что разумно то, и свободно (1).

Быть свободно-разумнымъ, нравственно-совершеннымъ — вотъ цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ.

Понятіе сохраненія.

Вмѣстѣ съ жизнію, связанною съ понятіемъ развитія, мы получаемъ и способность сохранять

дарованныя намъ силы. Развитіе силъ и сохраненіе ихъ составляютъ два понятія одного и того же предмета, съ тою разницею, что понятіе развитія есть понятіе положительное, а понятіе сохраненія понятіе отрицательное. Съ понятіемъ развитія необходимо соединено понятіе сохраненія, потому, что первое можетъ существовать только подъ условіемъ существованія послѣдняго; понятіе сохраненія ведетъ за собою понятіе развитія, потому, что сила, сохраненная отъ посторонняго владычества, дѣйствуетъ сообразно съ цѣлію, т. е. развивается.

Понятіе общественности.

Сохраненіе силъ, — совокупность средствъ, необходимыхъ для развитія духовной дѣятельности, — заключается въ понятіи *общественности.*

Понятіе общественности, въ слѣдствіе котораго человѣкъ живетъ и долженъ жить въ кругу подобныхъ себѣ существъ, не можетъ быть отдѣлено отъ понятія развитія. Человѣкъ, находясь подъ вліяніемъ окружающей его природы, опредѣляется въ своей дѣятельности совокупностью предметовъ, принимающихъ участіе въ образованіи его тѣла и возбуждающихъ его духовную дѣятельность (2). Это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ къ тому заключенію, что, по различію вліянія природы, люди имѣютъ свои особенные взгляды на вещи. Особенность, индивидуальность взглядовъ не есть порокъ: она является въ слѣдствіе мудрой

предусмотрительности Провидѣнія, которое, раздѣляя между людьми способность познанія, тѣмъ самымъ доставляетъ возможность глубже проникать въ сущность творенія. Каждый человѣкъ, отдѣлбно взятый, не можетъ достигнуть истины:— онъ всегда будетъ смотрѣть на вещи по своему. Истина яснѣе познается посредствомъ разнообразныхъ, многочисленныхъ взглядовъ: и такъ человѣкъ долженъ, по природѣ своей, стремиться усвоить ее себѣ, — слѣдственно онъ долженъ жить въ обществѣ. Взаимная мѣна пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ познаній зависитъ отъ дара слова, составляющаго достояніе разумнаго существа.

Къ этому можно прибавить и то, что если человѣкъ, отдѣльно взятый, и могъ пріобрѣсти какія нибудь познанія; то смерть уничтожаетъ ихъ: онъ уноситъ съ собой въ могилу все то, что нажилъ своими лѣтами, своимъ опытомъ. Совсѣмъ противное явленіе встрѣчаемъ въ обществѣ; здѣсь человѣкъ и по смерти своей живетъ въ своихъ мысляхъ: онъ не уноситъ съ собою сдѣланнаго имъ запаса познаній, а оставляетъ ихъ въ наслѣдство потомству. Въ кругу человѣчества умираютъ люди, исчезаютъ цѣлые народы; но постигшая ихъ смерть не уничтожаетъ вызванныхъ ими мыслей, на основаніи которыхъ воздвигается новое зданіе духовной дѣятельности. — Необходимость общественной жизни доказывается и исторически: человѣкъ и общественность соединяются постоянно въ дѣйствительной жизни (3). Какимъ образомъ

люди понимаютъ значеніе общества? Такъ какъ въ первое время человѣкъ не является свободно-разумнымъ существомъ, то и сохраненіе силъ не имѣетъ характера разумности. Понятіе сохраненія силъ въ историческомъ развитіи имѣетъ два періода: до образованія государства, оно выражается понятіемъ *личности* и *самозабвенія*; въ государствѣ, оно получаетъ новую жизнь: здѣсь оно является съ характеромъ свободной разумности и обнаруживается въ понятіи *нравственности.*

а) Понятіе личности есть понятіе отвлеченное, въ существованіи котораго мы убѣждены, но осязательно его объяснить не можемъ. Въ этомъ понятіи выражается самостоятельность моего Я (понятіе: мое, я понялъ, я сдѣлалъ и друг.), или личность есть самосознаніе человѣка, сознаніе себя, какъ существа, произвольно дѣйствующаго, и притомъ такого существа, которое, по своей природѣ, имѣетъ власть на извѣстный кругъ дѣятельности. Недопущеніе меня дѣйствовать есть нарушеніе моей личности. Такимъ образомъ, понятіе личности приноситъ человѣку увѣренность въ необходимости самосохраненія. Это нисшая, первая степень сохраненія силъ, потому, что понятіе личности не обнимаетъ законныхъ отношеній одного человѣка къ другимъ. Человѣкъ, увѣренный въ необходимости самосохраненія, и не имѣя правила, опредѣляющаго взаимнодѣйствія людей, хочетъ жить и живетъ только для себя; свою жизнь онъ признаетъ цѣлію, а жизнь другихъ средствомъ

которымъ онъ можетъ пользоваться для достиженія своей цѣли, для удовлетвореніи своихъ потребностей.

Первое понятіе, которое является въ головѣ человѣка, предписываетъ ему законъ — бодрствовать о самосохраненіи, всѣ средства употреблять на пользу собственную (4).

Такое стремленіе каждаго человѣка необходимо должно поставить людей въ непріязненныя отношенія: цѣли ихъ совершенно различны, ихъ средства суть взаимныя нарушенія личности, и характеръ ихъ дѣятельности — bellum omnium contra omnes. Въ этомъ состояніи человѣческой жизни нѣтъ разумныхъ предписаній: сила физическая опредѣляетъ отношеніе между людьми. — Мы употребляемъ слово *личность* болѣе въ смыслѣ эгоизма, чѣмъ въ томъ значеніи, которое обыкновенно сопрягаютъ съ этимъ словомъ юристы и изслѣдователи философіи права, разумѣя подъ нимъ источникъ всѣхъ правъ, всѣхъ юридическихъ отношеній. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употреблено это слово Гегелемъ.— Существованіе понятія личности, какъ понятія, которое опредѣляетъ дѣятельность человѣка, должно прекратиться. Время владычества понятія личности есть время войны повальной, значеніе которой важно въ томъ отношеніи, что въ продолженіи ея выражается понятіе личной самостоятельности: оружіе поддерживаетъ личную самостоятельность до тѣхъ поръ, пока разумъ не утвердитъ понятій лучшихъ. Лич-

ность развиваетъ только одну сторону жизни — личную самостоятельность; она въ стремительномъ развитіи своемъ сокрушаетъ значеніе другой стороны жизни — независимость другихъ. Понятіе личности, въ изъясненномъ нами смыслѣ, можно принять за основаніе *правъ*, и въ этомъ отношеніи оно служитъ выраженіемъ понятія сохраненія силъ (5).

б) Своеволіе, которое соединено съ понятіемъ личности, находится въ явной противоположности съ понятіемъ самозабвенія. Жизнь слагается изъ противоположностей: на ряду съ личностію, которая заставляетъ человѣка быть врагомъ людей, является понятіе самозабвенія, которое уничтожаетъ совершенно понятія личной самостоятельности. Подъ самозабвеніемъ я разумѣю то состояніе человѣка, находясь въ которомъ, онъ не обращаетъ вниманія на свою жизнь, не старается о развитіи ея или отдаетъ ее въ собственность другихъ.

Какъ оружіе поддерживаетъ личную самостоятельность, такъ точно сила физическая утверждаетъ и понятіе самозабвенія. Оно въ началѣ раскрывается въ отношеніяхъ членовъ семейства къ родоначальнику и рабовъ къ господину. Въ послѣдствіе времени оно находитъ себѣ опору въ темномъ сознаніи необходимости помогать другъ другу. — Въ сущности природы человѣческой заключается понятіе общественности, основанной на взаимной помощи. Это понятіе должно сдѣлаться

извѣстнымъ человѣку; но понятія обнаруживаются не вдругъ во всей полнотѣ своей. Завѣса поднимается мало по малу; человѣкъ сначала предчувствуетъ бытіе понятія, потомъ увѣряется въ бытіи его, и наконецъ убѣждается въ необходимости примѣненія его къ дѣйствительной жизни. Въ то время, когда понятіе соединенія выгодъ частныхъ съ выгодами общими носится передъ нимъ въ темныхъ образахъ, человѣкъ приводится къ мысли, что жизнь его есть средство для жизни другихъ, что онъ самъ по себѣ не имѣетъ ни какого значенія, что онъ долженъ жить только для другихъ. Что въ личности составляло понятіе цѣли, то въ самозабвеніи составляетъ понятіе средства, и наоборотъ. Какъ каждое понятіе, въ первое время проявленія, живетъ безъ сознанія человѣка, такъ и понятіе самозабвенія въ первый разъ выражается въ отношеніи дѣтей къ отцамъ, рабовъ къ господамъ.

в) Понятія личности и самозабвенія, отдѣльно взятыя, не заключаютъ въ себѣ сущности свободы разумной; но суть двѣ части, изъ которыхъ должно образоваться понятіе, заключающее въ себѣ значеніе свободы. То время, въ которое жили и живутъ люди, управляемые предписаніями личности и требованіями самозабвенія, есть время своеволія; дѣйствія людей, сообразныя съ этими двумя понятіями, не суть дѣйствія свободныя. Свобода воли заключаетъ въ себѣ понятія общественности: то дѣйствіе свободно-разумно, которое выражаетъ жизнь

человѣка, опредѣляющую жизнь общества, и жизнь общества, опредѣляющую жизнь человѣка. Соединеніе личности и самозабвенія, и взаимное измѣненіе ихъ, образуютъ понятіе нравственности. Нравственность, какъ я ее понимаю въ отношеніи юридическомъ, есть такая способность сохранять силы, въ слѣдствіе которой человѣкъ, способствуя развитію жизни собственной, способствуетъ развитію и жизни человѣчества; или другими словами, нравственность есть разумъ, взятый со стороны опредѣленія отношеній между людьми. Время явленія понятія нравственности, какъ опредѣляющаго начала жизни, есть время сознанія человѣка, что жизнь его есть дѣйствующая часть жизни человѣчества.

Отношеніе между понятіями: право и нравственность.

Что касается до вопроса, есть ли различіе между нравственностью отдѣльнаго человѣка и правомъ, или нравственностью общественною? то я отвѣчаю на него отрицательно. Передъ разумомъ всѣ наши дѣйствія, будутъ ли они внѣшнія, или внутреннія, имѣютъ одинаковое значеніе. Если убійство есть дѣло несогласное съ законами разума, то совершеніе его и мысль объ немъ равно запрещаются совѣстію; если вражда находится подъ запрещеніемъ разума, то мысль обидѣть кого нибудь и обида равно не должны имѣть мѣста. Міры внутренній и внѣшній, по идеѣ, составляютъ одно неразрывное цѣлое: мы мыслимъ для того, чтобы

дѣйствовать, мы дѣйствуемъ потому, что мыслимъ. Каждая мысль наша, если бы она была выражена, должна имѣть вліяніе на жизнь другихъ; иначе и быть не можетъ: мысль облекается словомъ для того, чтобы производить дѣйствія. Если на дѣлѣ, въ жизни дѣйствительной, иногда мы думаемъ одно, а дѣлаемъ другое; то это показываетъ несовершенство разума современнаго. Если на дѣлѣ, міръ внѣшній является съ другимъ характеромъ, нежели міръ внутренній, то изъ этого нельзя еще заключить, что они имѣютъ различные источники: нѣтъ! источникъ ихъ одинъ и тотъ же — разумъ; различіе же, замѣчаемое между ними, происходитъ отъ того, что характеръ внѣшнихъ дѣйствій опредѣляется большинствомъ дѣйствователей, между тѣмъ, какъ меньшему числу предоставляется возможность приближаться къ познанію требованій разума объективнаго, — познанію, превышающему господствующее мнѣніе. — Такимъ образомъ составляются два рода понятій: одни изъ нихъ опредѣляютъ жизнь членовъ какого нибудь общества, другія же показываютъ, какимъ образомъ должна была бы опредѣляться дѣятельность людей. Первыя заключаются въ законахъ положительныхъ, вторыя составляютъ принадлежность той науки, которая имѣетъ предметомъ постигнуть сущность разума, взятаго со стороны опредѣленія отношеній между людьми, или сущность нравственности (6). Можетъ быть, отдѣленіе права отъ нравственности полезно въ томъ отношеніи, что понятіемъ права

яснѣе означаютъ ту сферу нравственности, которая подходитъ къ сферѣ законовъ положительныхъ? И въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть пользы. Обозначая кругъ дѣятельности права внѣшними дѣйствіями людей, всѣ юристы согласны въ томъ, что не всѣ внѣшнія дѣйствія могутъ подлежать вліянію законовъ Стало быть, право и нравственность не составляютъ понятій рѣзко отличенныхъ: нравственности подлежатъ дѣйствія внутреннія и та часть дѣйствій внѣшнихъ, которая не опредѣляется понятіемъ права. Какія же внѣшнія дѣйствія подлежатъ праву? и какія остаются въ подчиненіи нравственности? Опредѣленнаго отвѣта нѣтъ, да и никто не можетъ отыскать черты, разграничивающей внѣшнія дѣйствія, подлежащія праву, отъ тѣхъ, которыя подлежатъ нравственности: въ отношеніи всѣхъ дѣйствій, нравственность имѣетъ одинаковое значеніе.

Если кто раздѣляетъ внѣшнія дѣйствія, говоря, что одни изъ нихъ имѣютъ вліяніе на общество, а другія нѣтъ, то онъ этимъ еще ничего не объясняетъ. Какія же дѣйствія имѣютъ вліяніе на общество? И этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ совершенно удовлетворительно. Человѣкъ худой нравственности можетъ исполнять законы положительные, но тѣмъ не менѣе онъ нарушаетъ законы разума; хотя въ законахъ положительныхъ часто мы не находимъ опредѣленія наказанія за нѣкоторые несправедливые поступки, однако *несправедливость* этихъ поступковъ ясно показыва-

етъ намъ, что они совершены противъ требованія *правды.*

Раздѣленіе обязанностей на совершенныя и несовершенныя вѣрно только потому, что оно существуютъ въ дѣйствительности (de facto), но по идеѣ оно не имѣетъ ни какого значенія. Называя себя разумными существами, этимъ самымъ мы утверждаемъ, что совершенны всѣ тѣ обязанности, которыя предписываются разумомъ. Относительное совершенство ихъ утверждается законами положительными, которые однако не принимаютъ на себя рѣшенія всѣхъ дѣлъ, предоставляя многія — суду совѣсти. Принимая, что законы положительные утверждаютъ различіе между обязанностями, я далекъ отъ того, чтобы сказать, будто бы это различіе основано на различіи понятій права и нравственности. Неисполненіе такъ называемыхъ несовершенныхъ обязанностей не справедливо такъ же, какъ и неисполненіе обязанностей совершенныхъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ всегда нарушаются вѣчные законы нравственности, а во второмъ иногда нарушаются только предписанія случайныя. Мнѣ кажется, что при объясненія отношенія между правомъ и нравственностью, надобно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что *справедливость,* т. е. согласіе поступка съ требованіями вѣчной правды, равно относится и къ праву и къ нравственности.

Если принять, что право и нравственность составляютъ два отдѣльныя понятія, то надобно

вмѣстѣ съ тѣмъ признать безпрерывное обращеніе нравственности въ право: то, что для извѣстнаго времени было нравственностью, для времени послѣдующаго дѣлается правомъ. Дѣлать различіе между нравственностью и правомъ, значитъ только увеличивать количество опредѣленій, не принося ни какой пользы наукѣ. По моему мнѣнію, эти два понятія не могутъ быть отдѣляемы одно отъ другаго; какъ то, такъ и другое, опредѣляютъ отношенія, долженствующія существовать между людьми. Полное выраженіе нравственности находимъ мы въ ученіи Евангельскомъ: «И такъ во всемъ, какъ хотите чтобы поступали съ вами люди, такъ поступайте и вы съ ними. Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.» Въ выраженіи: « люби ближняго, какъ самого себя», соединяется понятіе личности (самого себя) и самозабвенія или лучше самопожертвованія (ближняго). Соединеніе противуположностей даетъ жизнь понятію, въ которомъ противоположности взаимно измѣняютъ другъ друга.

Такимъ образомъ, въ понятіи нравственности заключается два элемента: элементъ положительный составляетъ понятіе личности; элементъ отрицательный — понятіе самозабвенія. Сообразно съ различіемъ элементовъ, образующихъ понятіе нравственности, являются понятія правъ и обязанностей. а) Право есть способность или власть человѣка сохранять свою самостоятельность, принимать мѣры для удовлетворенія своихъ потребно-

стей, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ (7). б) Обязанность есть власть человѣка не только, что не нарушать самостоятельности другихъ, но еще и способствовать развитію ея (8). На понятіи правъ и обязанностей основываются понятія — мое, твое, справедливость, обида. Права и обязанности суть взаимны: если съ одной стороны право, то съ другой стороны обязанность, и обратно.

Вмѣстѣ съ понятіемъ нравственности необходимо соединяется понятіе общественности. Соединеніе этихъ двухъ понятій, сосуществованіе ихъ представляетъ собою полное выраженіе средствъ для сохраненія своихъ силъ.

Отношеніе понятія права къ положительному закону.

Изучая исторію, какъ лѣтопись дѣлъ человѣческихъ, мы узнаемъ, что люди всегда повиновались силѣ, находящейся внѣ ихъ. Отъ чего зависитъ это? Самое понятіе развитія, соединенное съ нашею жизнію, убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы являемся въ міръ и продолжаемъ въ немъ свое существованіе не съ полнымъ сознаніемъ разумности своей природы. Наша жизнь слагается изъ жизни физической и жизни нравственной, которыя взаимно себя опредѣляютъ. Мы часто должны повторять: «духъ бодръ, а плоть немощна»: страсти часто заставляютъ молчать разумъ, часто влекутъ насъ къ преступленіямъ, къ дѣйствіямъ, противнымъ разумности, а стало быть и жизни.

2

Вотъ причина, отъ которой зависитъ то, что жизнь человѣка не можетъ быть всегда предоставлена ему самому, его разумѣнію.

Естественный законъ, какъ предписаніе нравственности, не постоянно сопутствуетъ человѣку, или — лучше сказать — люди, по своей природѣ, не могутъ обнять величіе истины, на основаніи которой должна выражаться жизнь ихъ. Но между людьми есть различіе: одни изъ нихъ, сознавая, по мѣрѣ силъ и возможности, предписанія нравственности, стараются сообразно съ ними направлять свою дѣятельность; другіе же, большею частію, остаются глухими къ голосу высокаго учителя, и на перекоръ своему назначенію, пресмыкаются передъ своею плотію, покоряются насильственнымъ требованіямъ тѣла, или увлекаются силою своего воображенія и ложь принимаютъ за истину.

Эти два разряда людей могутъ быть означены выраженіями: нравственно-совершеннолѣтніе и нравственно-несовершеннолѣтніе.

Мы имѣемъ внутренняго судію — совѣсть. Совѣсть есть внутреннее убѣжденіе въ томъ, что мы поступаемъ сообразно или несообразно съ законами нравственности. Но этотъ судья не всегда произноситъ приговоры, во всей полнотѣ выражающіе требованія нравственности. Случается часто встрѣчать людей, которые дѣлаютъ зло, принимая его за добро; въ этихъ случаяхъ погрѣшающая совѣсть потворствуетъ беззаконнымъ дѣяніямъ: она не заставляетъ человѣка му-

читься, а даетъ ему спокойствіе, которое происходитъ отъ увѣренности, что я сдѣлалъ это такъ, какъ требовалъ разумъ. Такимъ образомъ и люди, желающіе наслаждаться внутреннимъ спокойствіемъ, чувствующіе прелесть спокойствія совѣсти и ужасъ мученія внутренняго, и эти люди иногда коснѣютъ во злѣ. Что же сказать о тѣхъ, которые по гибельному заблужденію, думаютъ, что совѣсть можно заставить молчать, что внутренняя жизнь не имѣетъ для нихъ ни какого услажденія, что міръ внѣшній, жизнь чувственная — вотъ притонъ наслажденій? — Понятно, что при такомъ ослѣпленіи, совѣсть на нихъ не можетъ произвести сильнаго дѣйствія; она имъ не страшна; грозны для нихъ физическія лишенія, страшны имъ муки тѣлесныя, ужасно для нихъ неудовлетвореніе похотямъ и страстямъ.

И такъ совѣсть — не надежный проводникъ по пути жизни. Человѣкъ, оставленный самому себѣ, по крайней мѣрѣ большая часть людей, суть первые враги своей разумности. Познакомясь скорѣе и легче съ порывами страстей, съ тѣлесными наслажденіями, они смотрятъ на нравственность, какъ на врага пріятности и жизни.

Стремленіе къ самосохраненію, и въ слѣдствіе этого своекорыстіе, суть неразлучные спутники человѣка съ самаго младенчества. Они, съ одной стороны, составляютъ побудительную причину къ трудамъ, съ другой влекутъ его къ нарушенію законовъ справедливости. Человѣкъ, не обуздан-

ный отвнѣ, предается влеченію эгоизма; всякаго рода насилія, въ глазахъ его, суть средства позволенныя.

Для того, чтобы люди могли идти впередъ размѣреннымъ и вѣрнымъ шагомъ, необходимо, безпрерывно держать передъ ними выраженія предписаній нравственности, т. е. разума, взятаго только со стороны опредѣленія отношеній между людьми; необходимо, чтобы сила, способствующая исполненію этихъ правилъ, не была силою, могущею господствовать только надъ внутреннимъ человѣкомъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, она могла дѣйствовать на мятежное тѣло, на человѣка внѣшняго (9).

Такимъ образомъ являются выраженные законы (10). Существованіе законовъ выраженныхъ необходимо по сущности жизни человѣческой. Необходимость этихъ законовъ наводитъ насъ на понятіе верховной, самодержавной власти. Только то можетъ быть исполняемо людьми, что предписывается имъ властію, превышающею власть каждаго изъ нихъ.

И такъ, законы выраженные или положительные и верховная власть суть понятія сосуществующія. Займемся разсмотрѣніемъ значенія ихъ.

Сущность верховной власти.

Разсматривая значеніе верховной власти, мы замѣчаемъ, что она стоитъ выше всѣхъ частныхъ желаній; ея воля есть воля общая, обязывающая всѣхъ

подданныхъ. Это приводитъ насъ къ тому заключенію, что верховная власть есть понятіе отвлеченное, которое имѣетъ значеніе нравственное: подданные повинуются ей по сознанію нравственной необходимости ея существованія (11). Понятіе верховной власти не заключаетъ въ себѣ ни какой физической силы: вся сила ея есть сила нравственная, которая имѣетъ постановительное и запретительное вліяніе на дѣятельность гражданъ. Законное принужденіе (Rechtszwang) есть слѣдствіе этого вліянія (12).

Верховная власть представляетъ государство; т. е. въ понятіи ея заключается обнаруживаніе развитія жизни подданныхъ, взятыхъ въ массѣ, а не въ отдѣльности.

Соединяя понятіе постановительное и запретительное, вліяніе на дѣятельность гражданъ и представленіе государства, мы получимъ опредѣленіе круга дѣятельности этой власти, объяснимъ сущность ея проявленія.

Верховная власть есть власть законодательная, кромѣ которой не можетъ быть ни какой другой, потому, что всѣ другія власти зависятъ отъ законодательной.

Необходимость существованія верховной власти, въ которой заключается право законодательства, предполагаетъ необходимость существованія права суда и исполненія, которыя верховная власть ввѣряетъ иногда подданнымъ.

«Предполагаются», говоритъ Екатерина Великая,

(Нак. §20) «малые протоки, сирѣчь правительства, чрезъ которыя изливается власть государства.»

Право суда состоитъ въ томъ, что съ одной стороны требуется отъ гражданъ, являющихся въ судъ, отчетъ въ дѣйствіяхъ; съ другой, сообразно этому требованію, являющіеся въ судъ объясняютъ значеніе своей дѣятельности. Право суда имѣетъ важность и въ отношеніи верховной власти и въ отношеніи подданныхъ: верховная власть посредствомъ суда утверждаетъ исполненіе законовъ; посредствомъ суда укрѣпляется обязанность подданныхъ исполнять законы (13).

Право исполненія и право суда, въ слѣдствіе общаго порядка природы, должны имѣть опредѣленныя правила, существованіе которыхъ есть необходимое условіе существованія самыхъ правъ.

Эти правила не могутъ быть опредѣлены ни кѣмъ другимъ, какъ верховною властью.

На основаніи этого, дѣятельность верховной законодательной власти опредѣляется: а) правомъ законодательства и б) правомъ опредѣлять правила, на основаніи которыхъ должны существовать право исполненія и право суда (14).

Сравниваютъ власти законодательную, судебную и исполнительную съ явленіями духовной природы человѣка: отношеніе между ними объясняютъ отношеніемъ, существующимъ между разумомъ, разсудкомъ и волею. Это сравненіе не можетъ выдержать критики. Каждая изъ этихъ трехъ властей необходимо должна заключать въ себѣ

понятія разума, разсудка и воли. Познаніе закона вѣчной правды принадлежитъ разуму законодательной власти; соображеніе этого закона съ извѣстнымъ временемъ и пространствомъ составляетъ дѣятельность ея разсудка, и наконецъ изданіе положительнаго закона выражаетъ стремленія ея воли. Въ отношеніи власти судебной, уразумѣніе законовъ положительныхъ, которые она должна примѣнять, есть — дѣятельность разума; изслѣдованіе дѣла — показываетъ дѣятельность разсудка; положеніе приговора — есть дѣло воли. Разумъ власти исполнительной выражается въ познаніи тѣхъ правилъ, на основаніи которыхъ должна совершаться дѣятельность лицъ, имѣющихъ эту власть; разсудокъ ея обнаруживается въ примѣненіи этихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, а воля — въ положеніи рѣшеній въ кругу законной ея дѣятельности.

Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣятельность властей судебной и исполнительной опредѣляется властію законодательною.

Лица, облеченныя или судебною или исполнительною властію, даютъ отчетъ власти законодательной, между тѣмъ, какъ эта послѣдняя не соединяетъ съ собою понятія отчетности. При совершеніи суда и исполненія должно держаться смысла законовъ положительныхъ и нельзя дѣлать перемѣнъ въ тѣхъ правилахъ, которыя предписаны верховною властію. Въ то время, когда власти судебная и исполнительная находятся въ

страдательномъ состояніи воспріимчивости, власть законодательная дѣйствуетъ самостоятельно, и по своему разумѣнію измѣняетъ, дополняетъ и перемѣняетъ законныя предписанія. Власти судебная и исполнительная, находясь подъ совершеннымъ владычествомъ власти законодательной, лишены права осуществлять требованія вѣчной правды въ отношеніи къ законамъ, если эти требованія не согласны съ предписаніями закона положительнаго. Каждому легко привести множество примѣровъ, какъ судьи и исполнители законовъ, противъ разумнаго своего убѣжденія, полагали приговоры, приводили ихъ въ исполненіе, ссылаясь на законъ. «Такъ законъ повелѣваетъ» — вотъ характеръ дѣятельности лицъ, облеченныхъ властями судебною и исполнительною; «такъ повелѣваетъ разумъ» — вотъ характеръ дѣятельности законодателей.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго слѣдуетъ: верховная власть, имѣющая значеніе нравственное, есть власть законодательная (15), съ понятіемъ которой соединяется понятіе самодержавія (16); дѣятельность ея состоитъ въ изданіи законовъ — *законовъ выраженныхъ* (въ собственномъ смыслѣ) и *временныхъ постановленій*, которыми опредѣляются дѣйствія властей судебной и исполнительной.

Такъ какъ верховная власть можетъ находиться въ рукахъ одного или многихъ лицъ; то и правленіе можетъ быть монархическое и поліар-

хическое или многодержавное. а) Правленіе монархическое бываетъ тогда, когда право законодательства находится въ рукахъ одного; б) правленіе поліархическое или коллегіальное бываетъ тогда, когда право законодательства принадлежитъ коллегіи лицъ. Такъ называемое правленіе монархическое ограниченное въ сущности есть правленіе коллегіальное.

Въ правленіи, называемомъ монархическимъ ограниченнымъ, право законодательства раздѣлено между королемъ и коллегіями, составляемыми или по волѣ короля, или по волѣ народа.

Явленіе верховной власти.

Понятіе государства тѣсно и неразрывно соединено съ понятіемъ верховной власти: это суть два понятія, которыя взаимно опредѣляютъ свое существованіе (17). Семейство и гражданство не заключаютъ въ себѣ понятія власти верховной.

Семейство.

Общество человѣческое начинается съ союза семейственнаго (18), основаннаго на понятіи происхожденія отъ одной крови, на понятіи кровнаго родства. Связь этого союза опредѣляется законами природы физической. Семейство разсматривается, какъ одно недѣлимое цѣлое; члены его не живутъ жизнію самостоятельною, но живутъ и дѣйствуютъ для родоначальника (19). При такомъ условіи,

во время существованія семейственнаго союза не можетъ возникнуть понятіе верховной власти и гражданъ подданныхъ: существуетъ родоначальникъ, имѣющій безусловную власть надъ семьянами; ему принадлежатъ права, а имъ обязанности (20).

Власть родоначальника не соединяется постоянно съ понятіемъ разума, потому, что зависитъ единственно отъ крови; она не имѣетъ нравственно-необходимаго значенія, и есть власть, руководимая своеволіемъ; она можетъ часто погрѣшать: выгоды властителя семейства не всегда соединяются съ выгодами всѣхъ семьянъ. Въ семействѣ не можетъ быть закона; законъ предполагаетъ: а) существованіе власти, какъ понятія нравственнаго (21), б) постоянство существованія (22) и в) ровную силу для всѣхъ членовъ общества (23).

Этихъ трехъ признаковъ мы не находимъ въ семействѣ, въ которомъ воля родоначальника имѣетъ слѣдствіемъ то, что для дѣйствій одного и того же рода, сообразно съ различіемъ дѣйствователей, мѣняются и правила.

Гражданство.

Соединеніе нѣсколькихъ семействъ съ цѣлію взаимной защиты и вспомоществованія для удовлетворенія потребностей и вообще для достиженія матеріальныхъ выгодъ и развитія силъ нравственныхъ — образуетъ гражданство (42).

Въ семействѣ все поглащается общностью: пріобрѣтенія, сдѣланныя членами его, даже самая

жизнь ихъ, сами по себѣ не имѣютъ ни какого значенія; въ немъ одно лицо независимое — родоначальникъ. Такое состояніе общества не согласуется съ понятіемъ природы человѣка: природа одѣляетъ насъ индивидуальностію, и тогда только мы приближаемся къ цѣли, когда каждый изъ насъ приноситъ свою лепту въ массу дѣятельности человѣчества. Семейство должно уступить свое мѣсто соединенію высшему, въ которомъ бы жилъ не одинъ человѣкъ, а жили бы многіе съ одинаковою возможностью проявлять и развивать дарованныя имъ силы. Это новое соединеніе, соединеніе гражданское, является не въ слѣдствіе договора, не въ слѣдствіе соображеній человѣческихъ, а является потому, что оно должно явиться, согласно съ нравственною необходимостью.

Въ гражданствѣ жизнь общества выражается первоначально въ соединеніи отцовъ семействъ, а въ послѣдствіе времени, мало по малу, на ряду съ отцами становятся ихъ дѣти. Такимъ образомъ общество Римское составлялось изъ домоначальниковъ (25); общество Германское не ограничивалось одними домоначальниками, но заключало въ себѣ всѣхъ тѣхъ изъ свободнорожденныхъ, которые имѣли силу носить оружіе (26). Во всякомъ случаѣ, гражданство, доставляя самостоятельность нѣкоторымъ, не исключаетъ совершенствъ семейственнаго, первобытнаго быта: тѣ, которые на вѣчѣ ведутъ бесѣду съ равными, дома повелѣваютъ своими домочадцами (27). Такъ, въ гражданствѣ встрѣча-

ются двѣ власти, направленія которыхъ явно противоположны; эти власти суть: власть вѣча и власть отца-господина.

Законы общества гражданскаго не могутъ имѣть значенія чисто-разумнаго, потому, что граждане сами для себя составляютъ законы. Они, руководимые эгоистическими пожеланіями, приверженцы стараго порядка вещей, стараются въ законахъ утверждать неподвижность, стараются жить по старинѣ, не вводить ни какихъ перемѣнъ, не смотря на то, что эти перемѣны необходимы по разуму. Гражданству не достаетъ разума объективнаго: субъективность выражается и въ томъ, что за предѣлами города (общества гражданскаго) или за предѣлами конфедераціи городовъ, нѣтъ для гражданъ жизни, достойной ихъ, нѣтъ людей, которые были бы способны жить по ихъ законамъ (28). Понятіе гражданина есть вторая степень жизни человѣчества; оно находится въ противоположности съ понятіемъ члена семейства. Въ семействѣ не было индивидуальности, въ гражданствѣ индивидуальность составила крайность; какъ общность есть характеръ семейства, такъ раздѣльность образуетъ характеръ гражданскаго общества.

Крайности должны сойтись, соединеніе ихъ даетъ другое значеніе каждой изъ нихъ. Соединеніе понятій общности и раздѣльности образуетъ понятіе государства.

На границѣ государства и не-государства встрѣчаемъ понятіе, которое составляетъ переходъ отъ

гражданства къ государству, — понятіе, по которому каждый пользовался покровительскомъ закона своего племени (ex natione). *Право личности* (29) уничтожило понятіе вражды между гражданиномъ и не-гражданиномъ: оставался одинъ шагъ до явленія *права территоріальнаго.* Въ правѣ личности мы замѣчаемъ преобладаніе элемента раздѣльности: на одной территоріи жили подъ различными законами,— что не согласно съ понятіемъ объективности. Для скораго и вѣрнаго хода впередъ, необходимо, чтобы воодушевляла одна сила, чтобы руководила одна власть. Такое единство есть отличительное свойство жизни государственной въ тѣсномъ смыслѣ.

Государство.

Сравнивая характеръ семейства и гражданства съ тѣми понятіями, которыя составляютъ отличительный характеръ разума, мы видимъ, что въ нихъ нѣтъ того, что требуется разумомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаемъ, что общество должно явиться въ другомъ, болѣе разумномъ видѣ. Семейство, заключая въ себѣ одинъ признакъ разума — единство, поглащаетъ индивидуальность лицъ. Въ гражданствѣ встрѣчаемъ двѣ власти — власть гражданскую, которой подчиняются граждане, и власть семейственную, въ подчиненіи которой находятся всѣ не-граждане. Кромѣ того, самая гражданская власть далека отъ понятія единства: каждый членъ имѣетъ полный голосъ, голосъ индивидуаль-

ный; всѣ члены дышатъ привязанностію къ старинѣ, никто не хочетъ оторваться отъ прошедшаго. Въ гражданствѣ нѣтъ единства, потому что единство заключаетъ въ себѣ стремленіе къ развитію. Во время существованія этого соединенія, главный характеръ дѣятельности гражданъ проявляется въ стремленіи поддержать существующій порядокъ: составныя части колеблются, не имѣя возможности двинуться впередъ. Законъ природы вызываетъ людей изъ соединенія гражданскаго и помѣщаетъ ихъ необходимо въ государство. Необходимость соединяется съ каждымъ проявленіемъ жизни; — люди ничего не выдумываютъ сами; они не могутъ дать жизнь тому, что не существуетъ. Переходъ изъ семейства въ гражданство, изъ гражданства въ государство, не зависитъ отъ людей, а опредѣляется историческимъ значеніемъ ихъ жизни. Пробьетъ часъ, и гражданинъ дѣлается подданнымъ государства, не понимая перемѣны, или, лучше сказать, не имѣя силъ проникнуть въ смыслъ ея.

Въ чемъ состоитъ характеръ жизни государства? Здѣсь является верховная власть. Верховная власть не есть власть отца семейства, которая основана на крови, на понятіи физическомъ; верховная власть не есть власть гражданства, которая среди индивидуальныхъ понятій, заботится о томъ, чтобы поддерживать существующее. Верховная власть не соединяется съ понятіемъ гражданъ; она отдѣляется отъ общества и становится выше его, какъ понятіе

нравственное, и свыше, изъ сферы разума объективнаго, разливаетъ жизнь по жиламъ государства и даетъ ему свѣтъ истины, освѣщеніе блестящее, блескъ разумности человѣческой.

Существованіе верховной власти предполагаетъ убѣжденіе гражданъ въ необходимости ея существованія. Такимъ образомъ, смыслъ государства выражается въ понятіи верховной власти и въ сознаніи гражданъ о ея необходимости.

Прежде, чѣмъ мы сознаемъ какое нибудь понятіе, это понятіе должно жить, должно выразиться; прежде чѣмъ люди сознаютъ необходимость верховной власти, они повинуются ей, исполняютъ ея предписанія, исполняютъ безсознательно, и этимъ исполненіемъ показываютъ, что наступитъ время, когда они сознаютъ необходимость того, что теперь принимаютъ за необходимое по предчувствію.

Государство есть общество по преимуществу разумное. Между людьми раздѣлена разумная дѣятельность: каждый изъ насъ имѣетъ что нибудь, чего не имѣютъ другіе. Это раздѣленіе разумности назначаетъ человѣку мѣсто въ обществѣ; общественная жизнь только тогда является въ истинномъ видѣ, когда выражаетъ единство всѣхъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, единство и раздѣльность суть признаки разумной жизни человѣка; они вмѣстѣ съ тѣмъ суть признаки жизни государственной. Верховная власть, выражая единство, имѣетъ характеръ разума объективнаго; жизнь подданныхъ, выражая раздѣльность, носитъ

на себѣ характеръ разума субъективнаго. Субъективность подчинена въ государствѣ объективности: индивидуальность подданнаго уважается, какъ одна сторона истины, а не какъ законъ жизни.

И такъ существованіе государства опредѣляется разумною необходимостью. Посмотримъ, какое значеніе долженъ имѣть законъ, какъ предписанное верховною властію правило дѣйствій для членовъ государства.

Значеніе законовъ.

Законы, какъ выраженіе требованій нравственности (30), суть постоянныя, общія правила для внѣшнихъ дѣйствій гражданъ, предписанныя или утвержденныя верховною властію подъ страхомъ извѣстныхъ невыгодъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе ихъ.

I. *Законы суть правила постоянныя.* Постоянство законовъ есть понятіе относительное: они должны существовать постоянно до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣчены перемѣны въ потребностяхъ гражданъ.

Законы суть постоянныя правила для извѣстнаго времени: такимъ образомъ, постоянство ихъ и движеніе законодательства (le mouvement de la législation) — понятія согласимыя. Какъ законы суть выраженія требованія нравственности, и какъ самая нравственность, сообразно съ развитіемъ жизни человѣческой въ разныя времена и у различныхъ народовъ, является въ понятіяхъ бо-

лѣе или менѣе различныхъ, то время перемѣны законовъ опредѣляется жизнію народовъ.

Въ Наказѣ мы находимъ, что законоположеніе должно примѣняться къ народному умствованію (31). Исторія показываетъ намъ многіе примѣры, изъ которыхъ мы узнаемъ, что законы, изданные безъ соображенія съ характеромъ народа, не могли получить права гражданства въ законной его книгѣ (32). Но верховная власть, которая стоитъ выше общества и можетъ обозрѣвать всѣ его потребности въ отношеніи къ разуму, по свойству своему, направляетъ умствованіе народа, заботится объ уничтоженіи предразсудковъ и о проясненіи его понятій. Имѣя въ рукахъ своихъ право руководить народъ, подчиненный ея волѣ, верховная власть общимъ образованіемъ приготовляетъ его къ новымъ законамъ. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Екатерина Великая: «Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому приготовить» (33).

Согласіе законовъ съ индивидуальностію народа имѣетъ важное нравственное вліяніе на общество: часто неисполненіе закона зависитъ только отъ неуразумѣнія ихъ, отъ невозможности ихъ понять и усвоить, — что случается всякій разъ, когда законъ стоитъ внѣ образованности народа. Эта мысль, которая очевидно водитъ перомъ Русскихъ Самодержцевъ - законодателей, внесена въ Наказъ: «Для ненарушаемаго сохраненія законовъ надлежало бы, чтобъ они были такъ хороши и такъ

пополнены всѣми способами, къ достиженію большаго для людей блага ведущими, чтобъ всякъ несомнѣнно былъ увѣренъ, что онъ ради собственныя своея пользы стараться долженъ сохранять ненарушимыми сіи законы» (34). И такъ, законы соображаются съ степенью образованности народа, которая должна находиться въ зависимости отъ верховной власти, направляющей ее по опредѣленнымъ правиламъ (35). Условіемъ явленія закона есть сознаніе общества о необходимости его существованія.

Отмѣна законовъ опредѣляется уничтоженіемъ этого сознанія. Мы выше сказали, что народное образованіе должно быть направляемо верховною властію; стало быть, сознаніе народа должно быть сознаніемъ верховной власти. Это послѣднее понятіе проистекаетъ изъ того, что сознаніе о необходимости какого нибудь понятія зависитъ отъ воспитанія.

Савиньи, глава исторической школы, полагаетъ, что законы выражаютъ сознаніе народа, что дѣло законодателя состоитъ въ уразумѣніи жизненныхъ началъ его и въ выраженіи только тѣхъ правилъ, которыя составляются мало по малу, составляются необходимо, по мѣрѣ развитія народной жизни (36).

Все вниманіе юристовъ, по его мнѣнію, должно быть устремлено на то, чтобы изъ фактовъ опредѣлить историческую жизнь народа (37) и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какіе элементы исто-

рическаго законодательства живутъ и должны жить и какіе уже отжили свой вѣкъ (38). Этимъ обнаруживается значеніе догматическаго законодательства, которое возникаетъ изъ сущности народныхъ обычаевъ, безсознательныхъ вѣрованій и вообще изъ индивидуальной жизни народа (39).

Но верховная власть, какъ источникъ разумныхъ предписаній, имѣетъ право исправлять невѣрныя понятія народа.

Въ то время, когда лица, облеченныя верховною властію, заботятся о дарованіи обществу благосостоянія и безопасности, когда они взвѣшиваютъ и оцѣниваютъ существующіе законы, измѣняютъ, перемѣняютъ, отмѣняютъ и замѣняютъ ихъ новыми; въ то время, когда верховная власть, находясь выше общества, не причастная выгодамъ частнымъ, руководствуется велѣніями разума, часть народа предается своимъ занятіямъ и въ отношеніи развитія пользуется плодами необходимой заботливости правительствъ.

Неужели надобно ждать, когда всѣ убѣдятся въ необходимости общественнаго образованія и сами будутъ просить правительство объ установленіи учебныхъ заведеній? Не ужели Монархи Русскіе не постигли высокаго значенія человѣка въ то время, когда ихъ законодательная мудрость запрещаетъ частнымъ лицамъ лишать себя свободы, дарованной закономъ (40)? И въ Россіи нѣкоторые не сознавали необходимости имѣть Сводъ законовъ; Вѣнценосный Монархъ созналъ эту необходимость и раздилъ

свѣтлую жизнь въ области Русскаго правовѣденія и законоискуства. «Сего (изданія Свода) требовали первыя существенныя нужды государства: правосудіе и порядокъ управленія. Симъ удостовѣряется сила и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и полагается твердое основаніе постепенному ихъ усовершенствованію въ будущемъ. Симъ исполняется желаніе предковъ Нашихъ, въ теченіи ста двадесяти шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшееся»(41).

По смыслу знаменитаго праверженца чисто историческаго ученія, неизмѣняемость законовъ Англійскихъ должна служить признакомъ ихъ совершенства; но не смотря на безмѣрное уваженіе Англичанъ къ своимъ древнимъ постановленіямъ, разумъ требуетъ многихъ перемѣнъ: эти перемѣны не могутъ быть введены обычаемъ и не замѣчается въ народѣ сознанія необходимости ихъ (42). Я не вижу ничего священнаго въ безусловномъ, въ слѣпомъ почтеніи, оказываемомъ къ тому, что установилось въ теченіе времени, но при всемъ томъ несогласно съ требованіями ума современнаго. Въ отношеніи Англіи, соображаясь съ мыслями Савиньи, вывожу слѣдующее заключеніе: по сознанію многихъ Англичанъ, ничто не должно быть перемѣнено въ законахъ, подъ которыми они привыкли жить; по разуму, человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя ярмо предразсудковъ; два понятія совершенно различныя, — одно изъ нихъ должно быть несправедливо; по Савиньи, Англи-

чане справедливы, — слѣдовательно разумъ есть неразуменъ.

Находя несправедливымъ мнѣніе Савиньи, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать за справедливое ученіе школы не-исторической, какъ ее опредѣляетъ Савиньи. По его мнѣнію, характеръ не-исторической школы состоитъ въ томъ, что она признаетъ явленіе законовъ, измѣняющихъ существовавшій порядокъ вещей, перемѣну законовъ безъ всякаго отношенія къ историческому развитію жизни народа (43). Человѣкъ, имѣя свободу разумную, долженъ согласовать свою дѣятельность съ объективнымъ началомъ; а потому долженъ восходить съ одной ступени на другую, не дѣлая скачковъ, для того, чтобъ не оставить безъ вниманія понятій нисшихъ, безъ которыхъ недоступны высшія.

Односторонность составляетъ принадлежность каждой изъ этихъ двухъ школъ: въ законодательствѣ онѣ должны быть соединены.

Что же касается до науки права, то она уничтожается писателями историческими. Достойный ученикъ и послѣдователь Гегеля, Гансъ, руководствуясь убѣжденіемъ, что разумъ опредѣляетъ стремленіе человѣка къ постиженію истины, возсталъ противъ ученія школы историко-анатомической. Сочиненіемъ своимъ объ историческомъ развитіи наслѣдства (44), онъ, съ одной стороны, показалъ, что и философъ-юристъ не пренебрегаетъ историческими знаніями; съ другой стороны, въ предисловіи къ этому сочиненію, онъ, съ бла-

городнымъ уваженіемъ къ разуму, показалъ, что наука не можетъ быть служительницею жизни положительной, но что она живетъ для себя.

Наука права, сообразно съ его мыслію, не живетъ только въ Римскомъ, каноническомъ, Германскомъ, слѣдственно вообще въ положительныхъ законодательствахъ, — она живетъ не для употребленія юристовъ, она не имѣетъ характера совокупности познаній, какъ средствъ для прокормленія (Brodwissenschaft); она имѣетъ жизнь въ себѣ самой, она живетъ для себя, какъ истина (45). Гансъ, объяснивъ обьективное значеніе науки, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ основаніе существованію сравнинительной исторіи законодательствъ. Объяснивъ индивидуальность законодательства (46) каждаго народа, онъ потомъ переходитъ къ понятію науки (47), какъ знанія обьективнаго, предъ которымъ исчезаетъ извѣстное время и извѣстное пространство. Наука права (Wissenschaft des Rechts) заключаетъ въ себѣ философію (Philosophie des Rechts) и исторію права (Rechtsgeschichte, Universalrechtsgeschichte) (48).

Наука права, какъ выраженіе идеи права, можетъ образоваться подъ условіемъ существованія *анализа* (черной работы историковъ, разбора, анатоміи фактовъ), *наведенія* (физіологическаго изученія жизни человѣчества, какъ она является въ исторіи) и *синтеза* (творчества, посредствомъ котораго человѣкъ похищаетъ у природы знаніе законовъ жизни и на основаніи этого знанія начертываетъ планъ

будущихъ ея дѣйствій). Эта наука должна существовать потому, что существуетъ предметъ ея; человѣчество необходимо должно стремиться къ ея составленію, потому, что жизнь его состоитъ въ познаніи истины; Провидѣніемъ начертаны законы, по которымъ должна совершаться дѣятельность общественнаго человѣка; есть идея правды и люди уразумѣваютъ смыслъ этой истины; они должны стремиться къ усвоенію ея, даже иногда они приближаются къ уразумѣнію ея, не понимая необходимости близкаго знакомства съ нею (49).

Но не все то можетъ быть выражено въ жизни, что находится въ наукѣ: наука находится къ жизни въ отношеніи будущаго къ прошедшему; онѣ не могутъ совпадать вполнѣ,—онѣ соприкасаются, и отъ этого раждается настоящее въ смыслѣ объективномъ. Тамъ законы достигаютъ своей цѣли, гдѣ они родятся жизнію, а питаются наукою; законодатели должны соединять въ себѣ познаніе жизни того народа, которому они даютъ законы и познаніе науки, какъ общаго достоянія человѣчества (50). Такимъ образомъ переворотъ (la révolution) и неподвижность (la stabilité) не могутъ быть въ законодательствѣ: преобразованіе (la réforme) есть необходимое условіе движенія законодательствъ.

II. *Законы суть правила общія.* Всѣ люди, живущіе подъ правленіемъ одной и той же верховной власти, имѣютъ равное право пользоваться зако-

нами, отъ нея исходящими. Основаніе этого правила заключается въ характерѣ разумности, которая даетъ всѣмъ людямъ одинаковое значеніе; верховная власть, признавая законы общими правилами (51), вводитъ въ жизнь дѣйствительную то, что необходимо по разуму.

Существованіе законовъ особенныхъ и мѣстныхъ не противорѣчитъ общности дѣйствія законовъ. Особенные законы опредѣляютъ права и обязанности, свойственныя одному какому нибудь состоянію; а такъ какъ состоянія не суть касты, то гражданамъ позволяется избирать образъ занятія. Такимъ образомъ, особенные законы суть общія правила въ томъ смыслѣ, что гражданамъ предоставляется право подчиниться особеннымъ законамъ избраннаго ими состоянія.

Мѣстные законы получаютъ свое начало тогда, когда различные (52) народы соединяются единствомъ верховной власти. Законы главнаго народа называются общими; законы же народовъ, присоединившихся къ главному, — мѣстными.

Это раздѣленіе законовъ на общіе и мѣстные показываетъ отношеніе, существующее между частями территоріи, подчиненной одной и той же верховной власти; что же касается до мѣстныхъ законовъ, то они также суть общія правила для тѣхъ, которые живутъ подъ ихъ владычествомъ.

Привиллегіи, т. е. права, предоставляемыя верховною властію одному или многимъ извѣстнымъ лицамъ, не разрушаютъ того правила, по которому

законы должны быть общими правилами. Привиллегіи даются въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ: поэтому всѣмъ предоставляется возможность получить привиллегіи. Онѣ только по видимому кажутся изъятіями изъ общихъ законовъ; по сущности онѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ и другія права, какъ напримѣръ право, по которому позволяется каждому пріобрѣтать землю: кто можетъ, тотъ и пользуется предоставленнымъ каждому правомъ.

III. *Законы суть правила внѣшнихъ дѣйствій.* По свойству жизни, дѣйствія бываютъ или внутреннія, или внѣшнія. Внутренними дѣйствіями называются мысли, чувствованія и желанія, когда они не выражаются ни звуками голоса, ни тѣлодвиженіями; мысли, чувствованія и желанія, выраженныя въ звукахъ или тѣлодвиженіяхъ, составляютъ понятія дѣйствій внѣшнихъ. Посредствомъ дѣйствій человѣкъ или стремится къ образованію идеаловъ, или къ приложенію идеаловъ къ жизни дѣйствительной, или погружается въ жизнь дѣйствительную.

Дѣятельность наша, къ которому бы изъ этихъ трехъ отдѣловъ она ни принадлежала, должна сообразоваться съ предписаніями разума, должна подлежать суду совѣсти.

Образованіе идеаловъ (безъ отношенія къ пространству и времени) не можетъ заключать въ себѣ понятій противу-нравственныхъ: стремленіе къ образованію идеаловъ есть состояніе отвлеченное; оно есть блаженство, которое отдѣляетъ насъ

отъ земли,заставляетъ позабывать весь окружающій насъ міръ и жить въ мірѣ фантастическомъ. Въ этомъ состояніи мы вкушаемъ сладость своей духовности, которая дѣлается для насъ тѣмъ дороже, что ни отъ кого не зависитъ. Такое состояніе не можетъ вести за собою ни награды, ни наказанія: оно заключаетъ награду само въ себѣ; оно не вызываетъ наказанія, потому, что не противорѣчитъ жизни, а напротивъ заставляетъ человѣка чаще обращаться къ дѣятельности духовной, заставляетъ его дружнѣе жить съ тою природою, которая можетъ доставить истинное наслажденіе.

Для такого состоянія нѣтъ правила: оно безгранично, какъ самъ разумъ, оно безусловно, какъ сама свобода.

Я понимаю подъ этимъ состояніемъ тотъ стремительный потокъ мысли, который является въ слѣдствіе или глубокаго, проникающаго всю душу чувствованія, или высокаго и несдержимаго желанія. Такъ какъ каждое сильное душевное волненіе выражается измѣненіями нашего тѣла; то и это состояніе творчества имѣетъ вліяніе на движенія тѣла, а стало быть и на общество. Но это вліяніе большею частію есть отрицательное, т. е. минуты образованія идеаловъ не могутъ считаться временемъ жизни гражданской: — онѣ посвящаются жизни индивидуальной, стремящейся обнять идею человѣчества, идею разума объективнаго.

Припомнивъ, что общество есть необходимое

условіе жизни, мы выводимъ, что исполненіе общественныхъ обязанностей и пользованіе правами не должны страдать отъ стремленія человѣка къ идеальности. Впрочемъ состояніе безусловнаго творчества такой рѣдкій гость, что оно не можетъ помѣшать оправленію жизни общественной. Если кто нибудь отказывается отъ дѣлъ, возлагаемыхъ обществомъ, безпрестаннымъ состояніемъ духовнаго прозрѣнія, то уже самая эта отговорка показываетъ, что онъ неправъ. Кто не показываетъ слѣдствій своего творчества, тотъ, не смотря на всѣ представленія его, поступаетъ противъ разума, и стало быть противъ общества, отнимая у него одного дѣятеля.

Что касается до приложенія идеаловъ къ жизни дѣйствительной, то здѣсь надобно различать два главныхъ момента человѣческой дѣятельности: дѣйствія внутреннія и внѣшнія. Внутреннія дѣйствія большею частію обнаруживаются отрицательно — бездѣйствіемъ внѣшнимъ; въ такомъ случаѣ надобно принимать въ соображеніе сказанное о бездѣйствіи въ слѣдствіе истиннаго или ложнаго состоянія творчества.

Внѣшнія же дѣйствія, имѣющія предметомъ приложеніе идеальной жизни къ жизни дѣйствительной, имѣютъ прямое и непосредственное вліяніе на общество и могутъ быть или нравственными, т. е. сообразными съ разумомъ, взятымъ въ отношеніи къ обществу, или безнравственными. Благо общества требуетъ, чтобы приложе-

ніе жизни дѣйствительной сообразовалось съ нравственностію, т. е. чтобы оно не клонилось къ неразумному разрушенію законно существующаго порядка общественнаго и не напитывало бы умы членовъ общества понятіями, противными разуму и совѣсти.

Наконецъ, существованіе человѣка въ отношеніи жизни дѣйствительной (чисто-положительной) обнаруживается въ дѣйствіяхъ или согласныхъ съ разумомъ, или противорѣчащихъ ему. Выше я старался объяснить необходимость выраженія требованій нравственности, выраженныя правила которой составляютъ понятіе законовъ положительныхъ. Теперь вопросъ обращается на то: всѣ ли дѣйствія могутъ подлежать законамъ? Отвѣтъ опредѣляется характеромъ дѣйствій: внутреннія дѣйствія, недоступныя для познанія другихъ, стоятъ внѣ сферы законовъ; всѣ ли дѣйствія внѣшнія могутъ быть предметомъ законовъ?

Человѣкъ подлежитъ законамъ, какъ и все существующее. По существу своему, люди суть лица нравственныя, т. е. они суть свободно-разумныя существа, съ понятіемъ коихъ соединяются слѣдующія условія: а) стремленіе къ разумной цѣли и б) слѣдственно, дѣятельность, основанная на понятіи правъ и обязанностей, предписанныхъ разумомъ.

Основываясь на томъ, что законы суть выраженія нравственности, мы говоримъ, что зако-

намъ подлежатъ всѣ тѣ внѣшнія дѣйствія, которыя имѣютъ вліяніе на общество. Какія дѣйствія имѣютъ вліяніе на общество? Въ обширномъ смыслѣ, каждый шагъ гражданина служитъ къ пользѣ или вреду ближняго.

Такое положеніе не покажется нелѣпымъ, когда вникнемъ въ тѣсную и неразрывную связь всѣхъ нашихъ дѣйствій. По мѣрѣ развитія духовной жизни, человѣкъ все болѣе и болѣе подчиняетъ свое тѣло предписаніямъ разума; самое удовлетвореніе физическихъ потребностей у человѣка является съ другимъ характеромъ, нежели у животныхъ. Разумъ долженъ запечатлѣвать всѣ наши дѣйствія; по крайней мѣрѣ, исторія показываетъ намъ стремленіе человѣчества къ осуществленію этого понятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ собственно исторія законодательствъ показываетъ, что законы все болѣе и болѣе распространяютъ сферу своей дѣятельности.

По моему мнѣнію, по идеѣ нельзя поставить предѣла въ отношеніи подлежанія дѣйствій закону: все въ общественной жизни должно быть опредѣлено закономъ, потому что законъ есть выраженіе нравственности (53). Если бы кто вздумалъ написать полное уложеніе для всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, то онъ или долженъ остановиться при самомъ началѣ, видя, что онъ началъ то, къ чему еще не приготовило насъ время, или долженъ потеряться въ разнообразіи предметовъ и

своимъ умомъ заплатить за дерзость предупредить державное время.

Признавая невозможность въ настоящее время осуществить полное господство закона надъ человѣческими дѣйствіями, для настоящей эпохи будетъ достаточно, если законы опредѣлять тѣ дѣйствія, которыя видимо способствуютъ къ воцаренію или нарушенію гармоніи общественной жизни.

Въ этомъ смыслѣ надобно принимать слова Наказа: «ничто не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (54).

IV. *Вліяніе законовъ на жизнь гражданъ.* Вліяніе законовъ зависитъ непосредственно отъ ихъ сущности: выражая требованія нравственности, они въ отношеніи къ жизни общественной являются разумомъ объективнымъ. Представляя объективный разумъ извѣстнаго общества, законы должны имѣть равное вліяніе на всѣхъ членовъ его. Если законы, съ одной стороны, соображаются съ характеромъ жизни массы народа, то, съ другой, они должны своимъ вліяніемъ способствовать образованію его, переводить его на высшія степени развитія; они должны опредѣлить жизнь народа и положительно и отрицательно. Такимъ образомъ, вліяніе законовъ на жизнь гражданъ является въ двухъ видахъ: вліяніе постановительное, положительно способству-

ющее развитію, и вліяніе запретительное, способствующее ему отрицательно.

1. *Постановительное вліяніе* законовъ должно выражаться въ трояком отношеніи: въ отношеніи народнаго просвѣщенія, въ отношеніи общественной жизни и въ отношеніи къ имуществамъ.

а) Въ отношеніи народнаго просвѣщенія, постановительное вліяніе законовъ состоитъ въ доставленіи гражданамъ средствъ къ образованію ихъ. Не смотря на то, что въ настоящее время встрѣчается много противниковъ общественнаго образованія, сущность общественной жизни убѣждаетъ въ необходимости его. Общественное образованіе есть первое средство устроить общество гармоническое. Верховная власть, дѣйствуя чрезъ достойныхъ гражданъ-наставниковъ, пріучаетъ подданныхъ къ уразумѣнію значенія жизни общественной, направляетъ и умы и дѣятельность ихъ сообразно съ потребностями общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ ихъ твердымъ шагомъ къ просвѣщенію истинному, не допускаетъ укорененіе семейственныхъ предубѣжденій, гонитъ предразсудки и суевѣріе, и заставляетъ человѣка быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. гражданиномъ извѣстнаго общества и членомъ человѣчества. Доставляя общее образованіе молодымъ людямъ, готовящимся быть гражданами, общественныя заведенія знакомятъ ихъ съ законами родной страны, съ тѣми правилами, которыя будутъ служить мѣркою ихъ дѣятельности (55).

Только подъ условіемъ существованія общественнаго образованія можетъ возникнуть единомысліе гражданъ; оно можетъ сгладить разнородности понятій, которыя утверждаются въ обществѣ посредствомъ домашняго воспитанія; только оно можетъ вдохнуть любовь къ отечеству, къ роднымъ по отчизнѣ, можетъ сблизить разнородные элементы общества и сдвинуть ихъ въ одну группу, проникнутую единствомъ мысли, чувства и желанія. Молодые умы глубоко поражаются первыми впечатлѣніями; они легко воспринимаютъ сообщаемыя имъ мысли, прививаютъ ихъ къ себѣ и дѣлаются отпечатками наставниковъ: истинно благородный гражданинъ, назначенный для воспитанія, доставитъ обществу такихъ же гражданъ, какъ и онъ самъ.

б) Въ отношеніи общественной или политической жизни, постановительное вліяніе обнаруживается въ тѣхъ узаконеніяхъ, которыя опредѣляютъ отношеніе человѣка къ обществу и къ членамъ его. Гражданинъ, обязуясь подчиняться предписаніямъ верховной власти, этимъ обязательствомъ дѣлается свободнымъ отъ непосредственнаго подчиненія желаніямъ и произволу согражданъ. Законы даютъ гражданамъ право свободно-разумно располагать дѣятельностью, и въ этомъ отношеніи, каждый, вступающій въ общество, можетъ остаться вѣрнымъ своимъ способностямъ, можетъ предаваться избраннымъ имъ занятіямъ, если только они сообразны съ цѣлію общества.

Освобождая гражданина отъ господства сильныхъ, предоставляя ему возможность дѣйствовать свободно, законы представляютъ ему правила, сообразно съ которыми онъ долженъ продолжать свое существованіе.

Исполненіе законныхъ предписаній есть первое право гражданина, потому, что оно обезпечиваетъ для него возможность пользоваться благами жизни общественной. Гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и свободы разумной; тамъ одни незаконно властвуютъ, а другіе незаконно подчиняются. Существованіе законовъ доставляетъ людямъ возможность поступать разумно; въ законахъ начертанъ планъ разумныхъ отношеній между ними: имъ остается только изучить этотъ планъ и дѣйствовать сообразно съ нимъ. Такимъ образомъ, изученіе законовъ должно составлять необходимое условіе образованія гражданина; незнаніе ихъ часто не только что лишаетъ доставляемыхъ обществомъ выгодъ, но даже допускаетъ совершеніе такихъ поступковъ, съ которыми соединено лишеніе права на будущее время пользоваться благомъ общественности.

в) Въ отношеніи вещественной природы, постановительное вліяніе выказывается тѣми правилами, которыя указываютъ гражданамъ способы пропитанія и доставляютъ имъ возможность посредствомъ труда пріобрѣтать вещи, необходимыя для ихъ жизни.

Отношеніе человѣка къ вещамъ опредѣляется

съ первой минуты его явленія въ жизни. Разсматривая жизнь такъ, какъ она есть, мы выводимъ два положенія: а) все существующее должно развиваться и б) развитіе одного предмета предполагаетъ уничтоженіе другаго, нисшаго. И такъ для развитія жизни человѣка, онъ, по общему закону природы, можетъ пользоваться всѣми вещами, составляющими міръ не-человѣческій (56).

Имѣя право господствовать надъ вещами, человѣкъ въ то же время долженъ жить въ союзѣ съ другими. Отъ этого происходитъ необходимое ограниченіе способовъ пріобрѣтенія вещей. Законами опредѣлено, какіе способы пріобрѣтенія могутъ имѣть мѣсто въ обществѣ.

Отъ законодательной власти зависитъ сохранить въ государствѣ тѣ способы пріобрѣтенія, существованіе которыхъ было опредѣлено прошедшими обстоятельствами; отъ нея же зависитъ уничтожить ихъ, когда она признаетъ это нужнымъ (57).

2. *Запретительное вліяніе*. Было уже сказано, что законы выраженные являются потому, что природа человѣка не заключаетъ съ себѣ безусловной разумности, что совѣсть не всегда имѣетъ вліяніе на человѣка. Недостатокъ совѣсти въ обществѣ замѣняется наказаніемъ: что разумъ запрещаетъ подъ условіемъ мученія совѣсти за неисполненіе, то законъ запрещаетъ подъ условіемъ наказанія. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ постановительнымъ вліяніемъ законовъ, является и запре-

тительное. Запретительное вліяніе законовъ является тогда, когда законодательная власть не только опредѣляетъ, что надобно дѣлать, но назначаетъ извѣстныя лишенія, а иногда наказаніе, за тѣ дѣйствія, которыя противны условіямъ жизни общественной. Что должно подлежать запрещенію? Запрещенію подлежатъ всѣ дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію законовъ.

Законъ, какъ выраженіе нравственности, имѣетъ характеръ разумности; его предписанія суть предписанія разума, опредѣленнаго извѣстнымъ пространствомъ и временемъ.

Такимъ образомъ, въ понятіи закона заключаются два понятія — объективное и субъективное. Объективное начало закона есть общее для всѣхъ людей, на одной и той же степени образованія находящихся: это законы естественные. Присутствіе этого начала доказывается тѣмъ, что человѣкъ, нарушившій одно изъ его предписаній, равно осуждается всѣми, — осуждается неиспорченною совѣстью.

Субъективное начало закона образуется зависимостію человѣческой дѣятельности отъ природы физической. Содержаніе жизни предполагаетъ форму, которая у различныхъ народовъ является въ разнообразныхъ видахъ, согласно съ разнообразіемъ образованности ихъ. Формою жизни я называю совокупность общественныхъ учрежденій; изъ этого опредѣленія видно, что сколько индивидуальныхъ народовъ, столько и формъ.

Присутствіе субъективнаго начала узнается изъ того, что преступленіе, совершенное противъ его предписаній въ одномъ обществѣ, не считается преступленіемъ въ другомъ, или лучше сказать — оно ситается преступленіемъ не противъ человѣчества, а противъ извѣстнаго общественнаго устройства.

Въ преступленіяхъ этого рода, самая совѣсть остается иногда спокойною, потому, что преступникъ противъ общественнаго порядка не чувствуетъ себя преступникомъ противъ разума объективнаго. Законы, опредѣляемые субъективнымъ началомъ, могутъ быть измѣняемы и замѣняемы другими, болѣе сообразными съ обстоятельствами.

Съ понятіемъ объективнаго начала соединяется понятіе *необходимости*; съ понятіемъ же субъективнаго понятія — *возможности*. Такимъ образомъ и законы можно раздѣлить на *необходимые* и *возможные* (58).

Нарушеніе возможныхъ законовъ зависитъ единственно отъ ихъ существованія: когда нѣтъ такого закона, то нѣтъ и нарушенія. Что же касается до законовъ необходимыхъ, то хотя бы и не было прямаго выраженія, запрещающаго нарушеніе, однако преступникъ противъ предписаній общаго всѣмъ разума заслуживаетъ наказанія.

Причина этого очевидна: преступленіе является тамъ, гдѣ нарушенъ извѣстный законъ; а законы необходимые должны быть извѣстны всѣмъ.

Если говорится о законахъ, что они *принуждаютъ, обязываютъ*, то это не значитъ, что они на- насильственно *принуждаютъ* дѣлать человѣка то, что онъ можетъ сдѣлать по собственному желанію: законное принужденіе состоитъ въ томъ, что законодатель объявляетъ наказаніе за дѣйствіе, противное законамъ, и удерживаетъ страхомъ будущаго зла отъ совершенія такихъ дѣяній; когда же преступленіе совершено, то наказаніе, постигающее преступника, уничтожая преступленіе, возвращаетъ его на путь истины.

Вліяніе законовъ начинается со времени обнародованія ихъ. Понятіе, что можно исполнять только то, что извѣстно, заключается въ здравомъ смыслѣ. Это такъ справедливо, такъ ясно для всякаго, что даже и тѣ законодатели древняго міра, которые веселились мученіями людей, которые хотѣли, чтобы граждане не знали законовъ, для того, чтобъ нарушали ихъ и были наказаны, — и эти исключенія изъ общаго правила обнародывали свои законы, исполняя впрочемъ только одну форму (59).

Что находится только въ умѣ законодателя, то не можетъ имѣть обязательной силы; когда воля законодателя выразилась, когда ее знаютъ граждане; то она принимаетъ характеръ закона. Сообразно съ значеніемъ обнародованія, законодатель обращаетъ вниманіе на то, чтобы дѣйствія обнародованія были достаточны для того, чтобы всѣ граждане могли узнать существованіе закона.

V. *Различіе между законами положительнымъ и нравственнымъ.* Законъ положительный, выражающій требованія нравственности, не долженъ быть смѣшиваемъ съ закономъ нравственнымъ. Вникнувъ въ сущность того и другаго, легко придти къ заключенію, что сфера владычества закона нравственнаго гораздо обширнѣе сферы владычества закона положительнаго; что требованія закона нравственнаго суть требованія чистаго разума, между тѣмъ какъ требованія закона положительнаго опредѣляются разумомъ большинства, стоящаго не на высшей степени просвѣщенія.

Сфера владычества закона нравственнаго обнимаетъ собою весь кругъ человѣческой дѣятельности; ему подчиняются всѣ наши дѣйствія, и внѣшнія и внутреннія; сфера же закона положительнаго ограничивается извѣстнымъ кругомъ дѣятельности внѣшней.

Дѣйствія, въ отношеніи исполненія требованій закона нравственнаго, подлежатъ суду совѣсти, которая проникаетъ всѣ наши тайныя помышленія. таким образомъ, неиспорченная совѣсть есть вѣрный и безпристрастный судія; отъ нея нельзя ничего скрыть; приговоръ ея всегда вѣренъ. Судъ совѣсти есть судъ разума, который при вмѣненіи преступленій руководствуется участіемъ воли въ совершеніи какого нибудь дѣйствія, а не самымъ дѣйствіемъ. Судъ, опредѣляющій, исполнены ли или нарушены законы положительные, долженъ руководствоваться другими правилами: онъ опре-

дѣляетъ участіе воли совокупностью внѣшнихъ дѣйствій, и такимъ образомъ можетъ легко случиться, что преступникъ признается не виновнымъ, а невинный самъ въ себѣ дѣлается преступникомъ.

Между судомъ совѣсти и судомъ государственнымъ важное различіе является въ отношеніи судебныхъ формъ. Для легчайшаго отправленія правосудія въ судахъ государственныхъ, необходимо установленіе извѣстныхъ формъ, по которымъ должны дѣйствовать и судьи и предстоящіе суду; существованіе этой формальной стороны суда, по видимому, замедляетъ отправленіе правосудія и стѣсняетъ гражданъ. Эти видимыя неудобства необходимы потому, что они служатъ средствомъ защищенія правъ гражданскихъ; наприм. продолжительность уголовнаго суда по инстанціямъ обезпечиваетъ подсудимаго въ томъ отношеніи, что рѣшеніе его участи пересматривается многими; совершеніе договоровъ обезпечиваетъ ненарушимость условій, и. т. д. Судъ совѣсти совершается безъ опредѣленныхъ формъ, или лучше сказать, онъ совершается по всѣмъ формамъ безъ различія, лишь бы онѣ были согласны съ разумомъ: поэтому кто правъ по дѣлу, тотъ не можетъ быть признанъ виновнымъ по несоблюденію формъ; кто правъ, тотъ объявляется правымъ при первомъ явленіи передъ судъ совѣсти.

Чѣмъ просвѣщеннѣе разумъ, тѣмъ совершеннѣе

понятіе о законѣ нравственномъ; тѣмъ справедливѣе приговоры совѣсти. Прибавя къ этому то исторически вѣрное обстоятельсто, что высшая образованность соединяется съ меньшимъ числомъ гражданъ, мы получимъ, что требованія закона нравственнаго заключаютъ въ себѣ большую степень разумности, нежели требованія закона положительнаго. Недавно еще законы положительные обратили вниманіе на облегченіе несчастной участи бѣдныхъ, между тѣмъ какъ законъ нравственный задолго прежде предъявилъ свои требованія подавать помощь несчастнымъ.

Наконецъ, въ отношеніи различія, существующаго между законами нравственнымъ и положительнымъ, надобно вспомнить раздѣленіе законовъ на необходимые и возможные. Показавъ тѣ точки, въ которыхъ замѣчается несходство законовъ нравственнаго и положительнаго, мы можемъ вывести заключеніе, что *справедливость* въ отношеніи послѣдняго не всегда бываетъ *справедливостью* въ отношеніи перваго. Движеніе законодательства состоитъ въ томъ, что всѣ болѣе и болѣе сближаются между собою: *справедливость* законная съ нравственною *справедливостью*; идея права постепенно проникаетъ закономъ опредѣленныя отношенія между людьми.

Что касается до того мнѣнія, что законы нравственный и положительный различаются въ томъ, что первый требуетъ помилованія враговъ, а второй наказываетъ преступниковъ; то оно неспра-

ведливо. Воздастся каждому по дѣламъ его — вотъ правило, съ которымъ соображается законъ нравственный и соображаться съ которымъ стремится законъ положительный. Врагъ не есть преступникъ: заключая въ себѣ источникъ преступленій, вражда подлежитъ наказанію, когда она выразилась преступными дѣйствіями. Объясняя значеніе законовъ положительныхъ, я старался показать необходимость ихъ существованія.

Эта необходимость служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что всѣ наши благородныя стремленія—слить въ одно законы нравственный и положительный, всѣ наши высокіе порывы подчиниться высшему суду совѣсти, останутся тщетными: необходимое сосуществованіе двухъ предметовъ увѣряетъ насъ въ томъ, что это такъ должно быть и не можетъ быть иначе. Мы разумны потому, что стремимся быть разумными.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Въ человѣкѣ соединены двѣ природы: разумная или духовная, и неразумная или физическая. Силы разумныя, какъ сознающія свои дѣйствія, стоятъ выше силъ физическихъ, какъ безсознательныхъ (т. е. не сознающихъ себя); а по закону природы высшее должно властвовать надъ нисшимъ, нисшее должно служить высшему: поэтому, и въ человѣкѣ тѣло должно быть покорно духу. Такимъ образомъ, когда человѣкъ дѣйствуетъ такъ, что тѣло его повинуется предписаніямъ духа; тогда дѣйствія наши опредѣляются по природѣ господствующимъ въ насъ началомъ, тогда они свободны отъ незаконнаго владычества тѣла. Когда же тѣло беретъ перевѣсъ надъ духомъ; когда мы повинуемся болѣе плотскимъ влеченіямъ, нежели предписаніямъ разума; тогда мы изъ раба дѣлаемъ господина и по природѣ независимое ставимъ въ зависимость отъ того, что должно быть въ зависимости отъ отъ перваго. Дѣйствія, согласныя съ законами разума, указываютъ на присутствіе свободной воли; дѣйствія же, отступающія отъ разумныхъ законовъ, наводятъ насъ на понятіе своеволія, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ, поступающій своевольно, дѣйствуетъ по своему желанію, опредѣляемому своекорыстіемъ, отдѣленіемъ себя отъ разума объективнаго. Своеволіе есть побѣда мятежной плоти, страстей

надъ законнымъ господиномъ, разумомъ. Кромѣ свободы и своеволія, въ человѣкѣ, по отношенію къ жизни физической, является понятіе произвола, которое заключаетъ въ себѣ понятіе инстинктуальности.

(2) Духовныя силы не суть врожденныя идеи; душа наша не можетъ быть сравниваема съ голой доской (tabula rasa): какъ жизнь тѣла нашего слагается изъ взаимнаго опредѣленія жизненной силы и пищи, такъ духовная жизнь человѣка опредѣлена соединеніемъ способности познавать и предметовъ познанія.

(3) Фергюсонъ (Опытъ Исторіи гражданскаго общества, 1767; Русскій переводъ, 1817): «Дикій человѣкъ, пойманный въ лѣсахъ, гдѣ онъ жилъ всегда отдѣльно отъ подобныхъ себѣ, есть исключительный случай, а не образецъ всеобщаго отличительнаго свойства... Надобно разсматривать человѣка въ томъ состояніи, въ которомъ онъ всегда находится, стало быть въ обществѣ... Повѣствованіе объ человѣкѣ, отдѣльно взятомъ, есть не что иное, какъ подробное изложеніе его чувствованій и мыслей въ отношеніи къ подобнымъ себѣ... Сообразно съ природою человѣка, общежитіе кажется столь же древнимъ, какъ самъ человѣкъ.» Сочиненіе Руссо Sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes, онъ считаетъ замысловатымъ вымысломъ воображенія (см. часть I, книга I, отд. I, Разсмотрѣніе вопроса о естественномъ состояніи): «Отошлите человѣка въ пустыню: онъ будетъ растеніе, отторженное отъ корней своихъ.»

(4) J. J. Rousseau (ch. 11, p. 5. Du contrat social, éd. de Paris, MDCCXCVI) говоритъ: Sa première loi est de veiller à sa propre conservation, ses premiers soins sont ceux qu' il se doit à lui même; et, sitôt qu'il est en âge de raison, lui seul étant juge des moyens propres à le conserver, devient par là son propre maître.

(5) Въ этомъ же смыслѣ надобно принимать и выраженіе *право сильнаго* (le droit du plus fort) или, какъ говоритъ Рейналь,

(Esprit, т. II, стр. 8), *законъ сильнаго* (la loi du plus fort). Руссо (ib. ch. 11) справедливо говоритъ: la force est un acte de nécéssité (здѣсь подразумѣвается необходимость физическая) non de volonté; но къ этому надобно прибавить, что фактъ предшествуетъ мысли, что человѣкъ сохранялъ свою жизнь прежде, чѣмъ позналъ разумное значенiе самосохраненiя. Замѣчательно, что обыкновенно самолюбiе и своекорыстiе развивается преимущественно у тѣхъ, которые все свое вниманiе обращаютъ на жизнь физическую (Фергюсонъ, часть I, кн. 1, отд. 11). Тацитъ (De mor. Germ. 44) замѣтилъ, что уваженiе къ богатству составляетъ основу власти сильнаго.

(6) Гегель (§ 33) опредѣляетъ сферу нравственности отдѣльнаго человѣка такъ: der Wille aus dem äußern Daseyn in sich reflectirt, als subjective Einzelnheit bestimmt gegen das Allgemeine. Смыслъ этого состоитъ въ томъ, что понятiе нравственности составляется обращенiемъ воли къ самой себѣ, какъ субъекта къ объекту. Въ чемъ можетъ состоять это обращенiе? — въ томъ что воля субъективная должна слѣдовать тѣмъ же законамъ, по которымъ дѣйствуетъ воля объективная. Какой законъ воли объективной? — законъ разума, который не можетъ быть отдѣленъ отъ объективности. Составленiе понятiя тогда получаетъ для насъ важность, когда оно приближаетъ насъ къ поясненiю истины; дѣленiе нравственности не только, что не приближаетъ насъ къ истинѣ, но даже отдѣляетъ отъ нея, давая поводъ думать, что жизнь человѣка дѣлится, смотря потому, разсматривается ли она въ отношенiи его самого или въ отношенiи другихъ. Но можно ли раздѣлить жизнь человѣка и жизнь общества? различные ли законы управляютъ этими жизнями? Цѣль жизни человѣка есть развитiе, которое получаетъ свое начало въ обществѣ и въ обществѣ продолжается. Разумная цѣль предполагаетъ разумныя средства: эти средства опредѣляются одними и

ями же понятіями и въ отношеніи людей и въ отношеніи общества.

(7) Опредѣленіе права возможностію производить всѣ дѣянія, которыми свобода другихъ не нарушается, заключаетъ въ себѣ и опредѣленіе обязанности, или лучше сказать, оно есть опредѣленіе отрицательное.

(8) Опредѣленіе обязанности—необходимостью что нибудь исполнить, не обнимаетъ предмета со всѣхъ сторонъ, потому, что обязанности могутъ быть положительныя и отрицательныя.

(9) Блакстонъ говоритъ, что если бы можно было жить человѣку въ состояніи естественномъ, не вступая въ общество, то человѣку не надобно бы было закона выраженнаго. Такое соединеніе мыслей само собою выказываетъ свою ложность: во-1) естественное состояніе человѣка, т. е. состояніе, согласное съ разумомъ, есть состояніе общественное; во-2) существованіе закона естественнаго предполагаетъ общество, потому, что эти два понятія нераздѣльны.

(10) Законъ, въ обширномъ смыслѣ, есть правило дѣйствій и взаимодѣйствій. Монтескье (De l'ésprit des lois, liv. 1, ch. 1) говоритъ: les lois, dans la signification la plus étendue, sont les rapports nécéssaires qui dérivent de la nature des choses. Законы не могутъ быть необходимыми отношеніями, потому, что самое понятіе отношенія предполагаетъ законъ, въ слѣдствіе котораго образовалось отношеніе.

(11) Я разсматриваю значеніе верховной власти, принимая во вниманіе нормальное состояніе людей. Даже тѣ, которые преступленіемъ, по видимому, разрушаютъ это понятіе, въ самомъ дѣлѣ подтверждаютъ это мнѣніе. Преступники стараются скрывать свои беззаконныя дѣйствія; будучи приведены въ судъ, они не отрицаютъ значеніе верховной власти, карающей ихъ за несоблюденіе законовъ.

(12) Законное принужденіе (Rechtszwang) есть слѣдствіе этого вліянія. Чисто-духовное значеніе верховной власти доказывается самымъ образомъ ея существованія. Сила фи-

зическая лицъ, облеченныхъ этою властію, незначительна въ сравненіи съ силами членовъ общества. Оно доказывается еще болѣе тѣмъ, что подданные, послушные ея велѣніямъ, иногда съ сожалѣніемъ разстаются съ обычаями предковъ, священными для потомства. Наконецъ оно совершенно доказывается безсмертіемъ: верховная власть никогда не умираетъ, никогда не останавливаетъ своихъ дѣйствій, не смотря на то, что лица, сю облеченныя, переселяются за предѣлы міра видимаго.

(13) Пословица: «не бойся суда, а бойся судьи» заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ юридическій. Она выражаетъ, что «судъ» служитъ къ сохраненію гражданской свободы. Къ этому надобно прибавить, что «не бойся» часто принимаетъ значеніе «люби»; въ такомъ смыслѣ «не бойся суда» будетъ означать «люби судъ», какъ обитель законовъ, которыя даютъ помощь и защиту.

(14) Подтвержденіе этого мнѣнія мы находимъ въ законодательствѣ отечественномъ. Такимъ образомъ въ статьяхъ о законахъ (Т. I, р. 1. VIII.) читаемъ ст. 47: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ». Этотъ параграфъ выражаетъ право законодательства. Далѣе (т. 1, гл. 1. IX.) въ статьѣ о власти верховнаго управленія, читаемъ ст. 80: «Въ правленіи верховномъ, власть Его (Государя) дѣйствуетъ непосредственно: въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію.» Этотъ параграфъ выражаетъ право опредѣлять правила, на основаніи которыхъ должны существовать право исполненія и право суда.

(15) Такъ по Русскимъ законамъ (Т. 1, Р. 1. 1, О существѣ верховной самодержавной власти, ст. 1.) «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но

и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ». Здѣсь выражается мысль, что явленіе верховной власти не зависитъ отъ произвола, но что Божественный разумъ опредѣлилъ ея существованіе и оградилъ бытіе ея повелѣніемъ, вложеннымъ въ совѣсть людей, повиноваться ея постановленіемъ. Характеръ верховной власти превосходно выраженъ въ молитвѣ, которая произносится Русскимъ Императоромъ при священномъ короновапіи (Т. 1. Р. 1, V. О священномъ короновапіи и миропомазаніи). «Императоръ призываетъ Царя Царствующихъ въ установленной для сего молитвѣ, съ колѣнопреклоненіемъ: да наставитъ Его, вразумитъ и управитъ въ великомъ служеніи, яко Царя и Судіи, Царству Всероссійскому, да будетъ съ нимъ присѣдящая Божественному престолу премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божію, во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко и въ день суда Его воздастъ ему слово» (см. Чинъ дѣйствія священнаго коронованія)

(16) Что верховная власть есть власть самодержавная и законодательная, то это подтверждаютъ и Русскіе законы. Т. I, Основные законы, Р. 1. 1. О существѣ верховной самодержавной власти. Т. IV. Кн. II. Сводъ устава о земскихъ повинностяхъ, Введеніе, ст. 499: «ни какая повинность не можетъ существовать въ губерніи безъ точнаго утвержденія верховной законодательной власти».

(17) Гегель (Grundl. d. Ph. d. R. 3. Abth. d. Staat) явленіе верховной власти относитъ къ жизни государственной.

(18) Ib. § 33, a, natürlicher Geist; die Familie, § 138. Die Familie hat, als unmittelbare Substantialität des Geistes, seine sich empfindende Einheit, die Liebe zu ihrer Bestimmung, so daß die Gesinnung ist, das Selbstbewußtseyn Individualität in dieser Einheit als an und für seyender Wesentlichkeit zu haben, um in ihr nicht als eine Person für sich, sondern als Mitglied zu seyn. Руссо (Du contrat social ou principes du droit politique, Paris 1796, p. 5, ch. 11) говоритъ: la plus ancienne de

toutes les sociétés et la plus naturelle, est celle de la famille; encore les enfants ne restent-ils liés au père qu' aussi longtems qu'ils ont besoin de lui pour se conserver.

(19) Въ Институтахъ Юстиніана, изданныхъ спустя слишкомъ V вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ, мы находимъ patria potestas, которая лишала дѣтей, съ нѣкоторыми ограниченіями, свободной дѣятельности (Inst. l. 1. t. VII) »Rursum eorum, quae alieni juris subjecti sunt, aliae sunt in potestate parentum, aliae in potestate dominorum». Семьяне и рабы выражаются однимъ и тѣмъ же понятіемъ! Inst. l. 1. IX; Dig. 1. VI § 3; Inst. l. 1. Гаія: in potestate nostra sunt, liberi nostri quos ex justis nuptiis procreavimus. Inst. l. 1. t. XIII. Hi vero qui in potestate parentis sunt, mortuo eo sui juris fiunt. См. Dig. 1. 11. De his, qui sui vel alieni juris sunt. Объ не эманципированныхъ дѣлахъ, см. Cod. 10, L. X, de filiis familias, et quem ad modum pro his pater teneatur.

(20) Гегель (§ 147) говоритъ: Die Kinder haben das Recht aus dem gemeinsamen Familienvermögen ernährt und erzogen zu werden. Пропитаніе и воспитаніе дѣлается правомъ въ отношеніи дѣтей и обязанностію въ отношеніи родителей тогда, когда дѣти становятся рядомъ съ родителями передъ лицомъ закона. Въ продолженіе семейственнаго союза дѣти получаютъ пропитаніе и воспитаніе не по праву, но по любви родителей, которая можетъ быть и не быть. Во время существованія союза семейственнаго, нѣкоторымъ образомъ родители растятъ дѣтей для своей пользы, для того, чтобы извлечь изъ нихъ выгоду. Право не можетъ обратиться въ безправіе: если дѣти могутъ быть продаваемы, то они не имѣютъ ни какихъ правъ: они разсматриваются, какъ рабы, какъ вещи Права дѣтей образуются уже въ послѣдствіе времени; они получаютъ полное бытіе подъ вліяніемъ закона государственнаго. Монтескье весьма справедливо говоритъ: La famille est une sorte de propriété (L. XXIII, ch. IV, p. 393, Oeuv. comp.)

Продажа дѣтей существуетъ у всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ имѣетъ характеръ семейственный. Въ Китаѣ, который и до сихъ поръ сохраняетъ характеръ жизни семейственной, отецъ есть полновластный господинъ своихъ дѣтей; отъ него зависитъ безусловная продажа ихъ (См. Description générale de la Chine par M. l'abbé Grossier, in-4, Paris MDCCLXXV, p. 465.) Записки путешественниковъ, посѣтившихъ земли племенъ, находящихся на первой степени человѣческой жизни, доставляютъ намъ обильное количество фактовъ, которые служатъ подтвержденіемъ тому, что дѣти, въ младенствующемъ состояніи людей, имѣютъ характеръ вещей, изъ которыхъ отецъ извлекаетъ всевозможную пользу. Въ различныхъ памятникахъ Русской исторіи, мы также находимъ безграничное право отца. Въ Новг Лѣт. при описаніи бѣдствій моровой язвы, находимъ, что «отецъ и мати чадо свое всажаше гостемъ даромъ» (стр. 382); прибавка «даромъ» показываетъ, что дѣти отдавались и «не даромъ» и во всякомъ случаѣ это мѣсто убѣждаетъ насъ въ томъ, что отецъ имѣлъ право на отчужденіе дѣтей. Въ Москов. Лѣт. говорится о троекратной продажѣ дѣтей (стр. 47). Характеръ семейственныхъ отношеній продолжаетъ свое существованіе даже и тогда, когда устройство общества имѣетъ же другое значеніе. Продажа дѣтей была знакома и Германцамъ, какъ общее достояніе всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ не освободилась еще отъ характера семейственнаго. Объ этой продажѣ упоминаетъ Тацитъ (Annal. IV, 72); она существовала и позже, что можно видѣть изъ Капитулярій.

(21) Свода законовъ Росс. Имп. Т. I, Основные законы, Разд. I. VIII, ст. 47.

(22) Тамъ же.

(23) Тамъ же, ст. 64.

(24) Гегель (Grundl. d. Ph. d. R. § 182, 2 Abschnitt, die bürgerliche Gesellschaft) опредѣляетъ гражданство такъ: Die concrete Person, welche sich als besondere Zweck ist, als ein

Ganzes von Bedürfnissen und eine Vermischung von Naturnothwendigkeit und Willkühr, ist das eine Prinzip der bürgerlichen Gesellschaft; aber die besondere Person als wesentlich in Beziehung auf andern Besonderheit, so daß jede durch die andern und zugleich schlechthin nur als durch die Form der Allgemeinheit, das andere Prinzip vermittelt sich geltent macht und befriedigt. Что касается до вопроса, составляется ли гражданство изъ постепеннаго развѣтвленія семейства, или оно является вслѣдствіе соединенія семействъ различныхъ племенъ? — то для настоящаго разсужденія это не имѣетъ большой важности. Объ этомъ можно читать Нибура, Römische Geschichte, T. I. объ образованіи Рима, стр. 317 и слѣд. М. Куторга («Колѣна и племена Аттическія») развиваетъ мысль о составленіи гражданства не изъ семейства.

(25) Inst. 1. IX. De patria potestate.

(26) Кассіодоръ (Кн. 1, письмо XXXVIII) заставляетъ Өеодорика, короля Остроготовъ, сравнивать человѣка съ орломъ, который не нуждается въ чужой помощи, когда онъ одѣлся перьями, когда онъ вооружился когтями. Совершеннолѣтіе, пріобрѣтеніе силъ, достаточныхъ для того, чтобы дѣйствовать мечемъ, доставляла личную свободу Германцу. См. De moribus Germanorum, cap. 13. Тацитъ говоритъ: Sed arma sumere non ante cuiquam moris quam civitas suffectarum probaverit. По закону Франковъ Рипуарскихъ, совершеннолѣтіе опредѣлялось въ 15 лѣтъ.

(27) По обычаямъ Римскимъ, новорожденное дитя не признавалось законнымъ, ежели отецъ или замѣнявшій его мѣсто не поднималъ его съ земли (terra levasset) и не прижималъ къ груди (tollere filium, воспитывать, non tollere — отвергнуть). Отецъ могъ отвергнуть своего сына (Cicero de legibus III, 8.). Состояніе дѣтей весьма хорошо опредѣляетъ Лукрецій (De not. rerum, lib. V): Ut saevis projectus ab undis navita (Cp. Origines du droit français cherchées dans les symboles et for-

mules du droit universel, par M. Michelet. Brux. 1835. T. 1, L. 1. ch. 1. La famille, p. 2). Безусловное право отца продолжалось до тѣхъ поръ, пока сынъ не былъ эманципированъ. (Inst. 1. XII. Dig. I. VII. De adoptationibus et emancipationibus et aliis modis quibus potestas solvitur, cap. VIII, 49. De emancipationibus liberorum). Filius familias былъ alieni juris и не имѣлъ значенія въ республикѣ. Въ обществахъ Германскихъ дѣти до совершеннолѣтія находились подъ властію отца; они вмѣстѣ съ матерью, незамужними сестрами и рабами не имѣли ни какихъ общественныхъ правъ. Отношеніе отца къ безправымъ членамъ семейства выражалось словомъ mundium, которое Гриммъ (Deutsche Rechtsalterthümer, 1838, стр. 447) производитъ отъ munt, рука; слѣдственно, подъ живущими подъ mundium разумѣются люди, находящіеся подъ *рукою*, т. е. muntporo защищаетъ ихъ мечемъ своимъ. См. Политич. устройство Германцевъ, М. Куторги, стр. 75.

(28) Мысль о враждѣ къ чуждымъ племенамъ такъ глубоко западала въ сердца гражданъ древняго міра, что и Платонъ сознаетъ необходимость войны Грековъ съ варварами; по его мнѣнію, Греки могутъ наносить варварамъ вредъ безусловный: они могутъ грабить, опустошать ихъ жилища, убивать ихъ или обращать въ рабство (De rep. V.). По закону XII Таблицъ, всѣ дѣйствія, предпринятыя противъ иностранцевъ, законны (Tab. III. 3.); имѣть права — значило быть Римскимъ гражданиномъ (Гейнекція Antiquitates jurisprudentiae romanae, 1820, стр. 230 и слѣд.) Самыя слова: иностранецъ (peregrinus) и врагъ (hostis), имѣли одинаковое значеніе (Варрона De lingua latina, l. 4.)

(29) Мы находимъ свидѣтельства о существованіи права личности въ формулахъ Маркульфа (l. 1. t. 8.), также въ собраніяхъ капитулярій и законовъ варваровъ. Монтескье говоритъ объ этомъ правѣ во 2-й главѣ, 28 книги знаменитаго своего сочиненія (De l'ésprit des lois, liv. XXVIII, ch. II).

Изъ новѣйшихъ писателей, Савиньи представилъ намъ анализъ *права личности*; онъ во многомъ руководствовался изысканіями Италіянскаго ученаго Лупи (См. Geschichte des römisch. Rechts im Mittelalter, B. 1. S. 116. и слѣд).

(30) См. выше, объ отношеніи права къ положительному закону.

(31) Наказъ, § 57. И въ дѣйствующемъ Русскомъ законодательствѣ читаемъ: «первообразное предначертаніе законовъ составляется или по особенному Высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или пріемлетъ начало свое отъ *общаго теченія дѣлъ*, когда при разсмотрѣніи оныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Святѣйшемъ Синодѣ и въ министерствахъ, *признано будетъ необходимымъ* или пояснить и дополнить дѣйствующій законъ или составить новое постановленіе» (Т. 1. Основ. зак. Разд. 1. ст. 49).

(32) Изъ исторіи нашего законодательства, я укажу на одинъ случай, явно подтверждающій эту мысль. Петръ Великій, желая предупредить дробность недвижимыхъ имѣній, 1714 года марта 23 (2789 Полн. Собр. Зак.) издалъ указъ, въ слѣдствіе котораго у насъ было узаконено прямолинейное первородство: недвижимое имущество должно было переходить къ старшему сыну или къ тому, которому оно будетъ завѣщано. Такой порядокъ наслѣдства находился въ прямой противоположности съ родительскою любовью и не находилъ себѣ подкрѣпленія въ исторіи законодательства Русскаго. Вотъ причины, по которымъ Императрица Анна, указомъ 1781 года марта 17 (П. С. З. 5717) возобновила раздѣленіе наслѣдства по степенямъ и линіямъ, сообразно съ понятіями народа Русскаго.

(33) Наказъ, ст. 58.

(34) Наказъ, ст. 43.

(35) Такимъ образомъ каждое правительство имѣетъ (или должно имѣть) опредѣленныя правила, съ которыми бы

соображалось образованіе или просвѣщеніе народа. Русскіе въ своемъ образованіи должны руководствоваться тремя коренными понятіями; эти понятія суть: Православіе, Самодержавіе и Народность (см. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, т. I. стр. 79: циркулярное предписаніе Г. тайнаго совѣтника Сергія Семеновича Уварова, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія).

(36) Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (1828), S. 8 u. f.

(37) Ib. ст. 14.

(38) Ib. Ihr Bestreben geht vielmehr dahin, jeden gegeben Stoff bis zu seiner Wurzel zu erfolgen, und so ein organisches Prinzip zu entdecken, wodurch sich von selbst das, was noch Leben hat, von demjenigen absondern muss, was schon abgestorben ist und nur noch der Geschichte angehört (117—118).

(39) Ib. ст. 13 — 17. Для распространенія мнѣній писателей, принадлежащихъ къ такъ называемой исторической школѣ, съ 1815 года издается журналъ: Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. Въ этомъ журналѣ (I, 1815) есть статья Савиньи: Ueber den Zweck dieser Zeitschrift, въ которой онъ опредѣляетъ значеніе двухъ школъ юридическихъ. По его мнѣнію, разумная необходимость составляетъ характеръ законовъ, по смыслу ученія школы исторической, а случайность, произволъ — неисторической.

(40) «Не подлежатъ давности: незаконное владѣніе людьми свободнаго состоянія или отпущенными на волю, сколь бы долго оно ни продолжалось; завладѣніе военноплѣнными, какого бы рода и закона они ни были; владѣніе выходцами изъ-за-границы» (Т. X. Гражд. Закон. Кн. 11. Р. 11. Гл. IV, О правѣ земской давности, ст. 343). Необходимость этого закона не была сознаваема, по крайней-мѣрѣ большею частію, но тѣмъ не менѣе явленіе его совершенно согласно съ разумомъ.

(41) Указъ 1833 года января 31. Обозрѣніе историч. свѣденій о Сводѣ Законовъ, стр. 191.

(42) Oeuvres de Bentham, T. III. De la codification (начиная съ 87 стр.) Къ этой статьѣ приложены: 1) Opinion de Sir Francis Bacon adressée à Jacques I, sur le mode de consolider des status et de faciliter l'étude de la loi commune. Беконъ говоритъ, что недоразумѣнія и произволъ часто находятъ мѣсто при отправленіи правосудія въ Англіи (p. 110). 2) Consolidation de divers status, par des actes du Parlement en 1825-1826. Пиль (Peel) подавалъ билль о сведеніи и усовершеніи законовъ о присяжныхъ (jury) и о воровствѣ (112-118). Несовершенство Англійскихъ законовъ видятъ только нѣкоторые изъ Англичанъ, между тѣмъ, какъ общій голосъ принимаетъ ихъ за совершенные.

(43) Zeitschr. f. geschicht. Rechtswiss. 1815. 1, 6.

(44) Das Erbrecht im weltgeschichtlicher Entwickelung. Eine Abhandlung der Universalrechtsgeschichte von Dr. Eduard Gans. 1. Bd. 1824, 2—1825; 3—1829.

(45) Das Erbrecht. Vorrede, ст. XXVI и слѣд.; ст. XXIV: die Wissenschaft des Rechts hat nicht die Form des Angezogenheyts, des Gefalles, des Interesses, sie verachtet diese Subjectivität, und weil alle Stufen ihr nothwendige Stufen des Begriffes sind, so liegt eben in dieser Nothwendigkeit die Bedeutung von allem.

(46) Ib. ст. XXVII — XXIX.

(47) Ib. ст. XXIX.

(48) Ib. ст. XXX — XXXI. Die erste Weise ist die Philosophie des Rechts, die zweite die Rechtsgeschichte. Далѣе: die Rechtsgeschichte in sofern sie nicht blosse Abstractionen zum Inhalten haben will, begreift nothwendig in sich die Totalität der Entwickelung des Rechtsbegriffes in der Zeit; sie ist daher eben so nothwendig Universalgeschichte.

(49) Примѣромъ этого можно представить Савиньи, ко-

торый, противоборствуя стремленію къ познанію истины, объясняя понятіе владѣнія отступилъ отъ исторіи и старался изъ началъ ума вывести значеніе владѣнія. См. Das Recht des Besitzes § 5, 1827; Телескопъ 1832, №№ 21 и 22: разборъ соч. Г. Савиньи *О правѣ владѣнія*, ст. Ѳ. Морошкина.

(50) Беккарія (Des délits et de peines, Par. 1823, ch. 1) говоритъ: Qu'il est digne de toute la reconnaissance du genre humain, le philosophe qui, du fond de sa retraite obscure et dedaignée, a eu le courage de jeter parmi la multitude les premières semences longtems infructueuses des verités utiles!

(51) Charte const. 1830, § 1; Сводъ закон. Росс. Имп. Т. 1, Основ. законы, ст. 64.

(52) Различіе народовъ условливается вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они продолжали свое существованіе. Здѣсь важное мѣсто занимаетъ вліяніе природы физической. Платонъ, Аристотель и Иппократъ были увѣрены въ томъ, что физическая природа имѣетъ сильное вліяніе на человѣка. Такъ Платонъ (Resp. IV) раздѣляетъ весь извѣстный ему міръ на три части, сообразно съ тремя силами души. Сила ума есть принадлежность Греціи; въ удѣлъ народамъ сѣвернымъ предоставляетъ силу паренія, т. е. невольнаго стремленія осуществить идеи ума (О фил. законодат. у древнихъ, соч. Неволина, стр. 20, прим. а.); сила пожеланій, стремленіе къ удовлетворенію потребностей физическихъ, составляетъ отличительную черту обитателей Азіи и Египта. Фергюсонъ писалъ объ этомъ вліяніи природы физической на духовную (Опытъ Исторіи гражданскаго общества, ч. II. кн. 3. отд. 1, О вліяніи климата и мѣстоположенія; Рус. пер. стр. 83. и слѣд.); замѣчательна его мысль, что «люди больше дѣятельны тогда, когда должны бороться съ препятствіями; а не тогда, когда имъ остается только наслаждаться дарами природы: тѣнь безплодныхъ дубовъ или

сосенъ болѣе благопріятствуетъ генію человѣчества, нежели тѣнь пальмъ и тамариндовъ (стр. 168). Монтескье (De l'ésprit des lois) говоритъ (L. XIV, ch. 1): S'il est vrai que le caractère de l'ésprit et les passions de coeur soient extrêmement différents dans les divers climats, les lois doivent être relatives et à la différence de ces passions, et à la différence de ces caractères. Онъ представляетъ много примѣровъ, подтверждающихъ это вліяніе.

(53) Разумѣется, произвольныя движенія нашего тѣла не могутъ быть подведены подъ законы. Впрочемъ здѣсь надобно припомнить то обстоятельство, что образованность опредѣляетъ, какія движенія приличны. Нельзя ли сказать, что въ настоящее время вліяніе законовъ должно начинаться тамъ, гдѣ общественное мнѣніе теряетъ силу?

(54) Наказъ, гл. VI, О законахъ вообще, § 41.

(55) Въ Русскомъ общественномъ образованіи, обращено вниманіе на необходимость изученія отечественнаго законодательства. Кромѣ университетовъ и лицеевъ, изученіе законовъ вводится въ гимназіяхъ, введено въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и проникаетъ въ заведенія техническія.

(56) На этомъ основывается право собственности. Гроцій, высказавшій высокія истины, былъ увѣренъ, что право собственности не въ природѣ вещей (Франц. пер. его знаменитаго сочиненія De jure belli et pacis, Droit de la guerre et de la paix, traduction de Courtin, p. 10). Отношеніе человѣка къ вещамъ весьма отчетливо объяснено въ сочиненіи Бриссо-де-Варвиля: Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol, considérés dans la nature et dans la société, par S. P. Brissot-de-Warville, помѣщенномъ въ его Bibliothèque philosophique, tome VI p. 260 и слѣд. Варвиль разсматриваетъ человѣка, какъ звѣно въ цѣпи всѣхъ существъ, изъ которыхъ высшее живетъ на счетъ низшихъ. Гегель (Grundl. der Phil. d. R., въ статьѣ: das Eigenthum, стр. 47.) смотритъ на вещи, какъ

на предметы несвободные, безличные и безправые (§ 42), которые необходимы для образованія внѣшней сферы свободы человѣка (§ 41). Положенія Гегеля и Варвиля, взятыя вмѣстѣ, совершенно объясняютъ значеніе отношенія человѣка къ вещамъ: вещи служатъ человѣку пищею для тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ возбужденіемъ и матеріаломъ для выраженія духовной дѣятельности.

(57) Такимъ образомъ во всѣхъ государствахъ сохраняется понятіе наслѣдства; здѣсь видимъ снисхожденіе верховной власти, которая оставляетъ жизнь понятію, образовавшемуся въ семействѣ. Я имѣю право на то, что получило жизнь посредствомъ моего труда; члены семейства должны были имѣть право на вещи, ими производимыя; но это право было отнято у нихъ въ пользу отца. Такимъ образомъ они лишились права собственности, но сохраняли идеальное право на вещи, имъ принадлежащія по свойству труда. Смерть отца возводила ихъ права идеальныя въ значеніе права, и они получили то, что имъ должно было принадлежать (мысль Гегеля, см. Grundl. d. Ph. d. Rechts). Въ государствѣ возникло право работать для самого себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожился характеръ необходимости наслѣдства. Верховная власть, дающая возможность пріобрѣтать вещи, имѣетъ одна право наслѣдства.

(58) Такъ напр. законъ, повелѣвающій исполнять предписанія верховной власти, есть законъ *необходимый*; законъ же, опредѣляющій количество вещей, которыя можетъ привести пассажиръ изъ-за границы безъ платы пошлины, *возможный*.

(59) По свидѣтельству Діона Кассія, императоръ Римскій Калигула написалъ законы мелкимъ шрифтомъ и прибилъ такъ высоко, что очень трудно было прочитать ихъ.

ПОПРАВКИ.

Напечатано:				Должно читать:
Стран.	Строк.			
7	8	сверху	— и такъ	и такъ какъ
8	2	»	— въ первое время.	въ первое время гражданственности.
35	17	»	— часть народа.	большая часть народа.
43	6	»	— оправленію.	отправленію.
44	1	»	— жизни дѣйствительний.	жизни идеальной къ жизни дѣйствительной
52	5	»	— ситается.	считается
56	9	снизу	— всѣ	все
62	15	сверху	— которыя.	которые.
63	12	—	— Судіи.	Судію.
65	13	снизу	— имѣетъ же.	имѣетъ уже.
68	7	—	— 1781 года.	1731 года.